

№ 2 / 2026

www.lawinfo.ru

МОЛОДОЙ ЮРИСТ

**ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ
СТРАТЕГИИ ЗАПЛАНИРОВАННОГО
УСТАРЕВАНИЯ ТОВАРОВ**

Главный редактор:**Бардан Дмитрий Викторович****Заместитель главного редактора:****Крюкова Евгения Сергеевна****Редакционный совет:**

Минбалева Алексей Владимирович, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий МГУ имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук;

Степанов-Египянц Владимир Георгиевич, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук;

Молотников Александр Евгеньевич, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Замышляев Дмитрий Владимирович, почетный президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;

Кириянов Артем Юрьевич, заместитель попечительского совета Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», член Общественной палаты Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Крюкова Евгения Сергеевна, ассистент кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Научно-образовательного центра «Право и СМИ», кандидат юридических наук;

Ульбашев Алим Хусейнович, преподаватель Французского университетского колледжа МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Машаров Евгений Иванович, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;

Гутерман Александр Евгеньевич, член Совета молодых адвокатов МО, кандидат юридических наук;

Долгих Федор Игоревич, заведующий кафедрой теории государства и права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат исторических наук, доцент;

Пальцева Маргарита Владимировна, президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», адвокат;

Сербин Михаил Викторович, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», заместитель заведующего кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук;

Соболева Екатерина Андреевна, руководитель аппарата Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации»;

Трефилов Александр Анатольевич, председатель Московского городского отделения при МГУ имени М.В. Ломоносова Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов РФ», кандидат юридических наук;

Цветкова Александра Игоревна, председатель Совета молодых адвокатов МО;

Шапсугова Мариетта Дамировна, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права, врио заведующего отделом аспирантуры Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент;

Долганин Александр Александрович, ассистент кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Трезубов Егор Сергеевич, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета, заместитель директора юридического института Кемеровского государственного университета по научной работе, кандидат юридических наук.

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ

обзор Междисциплинарной студенческой научно-практической конференции «Этика использования искусственного интеллекта» (Москва, 26 февраля 2026 г.) 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

Бурцев П.С. Реализация принципа соразмерности при использовании обеспечительных мер в арбитражном и гражданском процессе 12

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Довгополов Д.Д., Камышанский Д.Ю. Криминологические особенности личности террориста-подростка в современных условиях 17

Камордин И.С. Смертная казнь за террористическую деятельность: критический анализ мирового опыта и эффективности применения 26

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лысикова М.М. Особенности спонсорского договора в спортивной индустрии 32

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Мышьяков С.В. Методологические аспекты исследования института гражданско-правовой ответственности без вины 44

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Сапожников Р.Г. Защита прав потребителя в условиях стратегии запланированного устаревания товаров 51

УЧРЕДИТЕЛЬ: Издательская группа «Юрист»**Главный редактор ИГ «Юрист»:**
Гриб В.В., д.ю.н., профессор**Зам. главного редактора ИГ «Юрист»:**
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.**Редакция:** Лаптева Е.А., Курукина Е.И.
Корректур: Воробьева Н.Н.**Вёрстка:** Вашкевич А.Н.**Центр редакционной подписки:**

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Адрес издательства/редакции:115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Номер подписан: 26.10.2026.

Издается в электронном формате.

Распространяется бесплатно.

ISSN 2500-0314

Фото на обложке: Фотобанк Лори.

ОБЗОР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ

научно-практической конференции

«Этика использования искусственного интеллекта» (Москва, 26 февраля 2026 г.)

26 февраля 2026 г. в Московском университете имени А.С. Грибоедова состоялась Междисциплинарная студенческая научно-практическая конференция «Этика использования искусственного интеллекта».

Работу конференции открыла **Камилла Фезамеддиновна Герейханова**, кандидат филологических наук, доцент, проректор по аспирантуре, докторантуре и координации магистратских программ Московского университета имени А.С. Грибоедова. Ею была отмечена важность проведения научно-организационных мероприятий, к которым относится Междисциплинарная студенческая научно-практическая конференция «Этика использования искусственного интеллекта». С ее точки зрения, необходимость проведения подобных мероприятий объясняется обсуждением ключевых вопросов этики, возникающих при разработке и применении технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). Такие дискуссии помогают обучающимся осознать ответственность разработчиков перед обществом и формируют понимание последствий принятия решений в области ИИ. Аспиранты и студенты учатся анализировать проблемы, возникающие при внедрении ИИ, оценивать риски и преимущества новых технологий. Они развивают способность выявлять потенциальные угрозы и предлагать решения для минимизации негативных эффектов.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратилась **Дарья Валерьевна Парамонова**, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета лингвистики, заведующая кафедрой лингвистики и переводоведения Московского университета имени А.С. Грибоедова. В своем обращении она подчеркнула важность мероприятия, обусловленную участием студентов разных специальностей в обмене мнениями и взглядами на проблему этики использования ИИ. Такое взаимодействие обогащает знания участников и стимулирует появление инновационных идей.

В рамках конференции работали три секции — «Использование искусственного интеллекта в юриспруденции», «Использование искусственного интеллекта в лингвистике» и «Использование искусственного интеллекта в психологии», на заседаниях которых рассматривались проблемы этики использования ИИ сквозь призму различных наук.

Модератором секций выступил **Дмитрий Юрьевич Камышанский**, старший преподаватель юридического факультета, председатель Совета молодых ученых Московского университета имени А.С. Грибоедова, член Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. В своем вступительном слове к участникам конференции Дмитрий Юрьевич, являю-

щийся главным идеологом мероприятия и его организатором, уделил особое внимание благоприятной динамике привлечения обучающихся разных факультетов Московского университета имени А.С. Грибоедова к научным дискуссиям по вопросам использования ИИ. Также им было указано на успешное создание в рамках мероприятия условий для представления результатов научных исследований обучающимися, что способствует развитию научного потенциала молодежи и повышению интереса к научной деятельности. По его мнению, в рамках участия аспирантами и студентами в научно-организационных мероприятиях различного уровня у них формируются компетенции будущих профессионалов, способные в том числе решать этические вопросы, возникающие в процессе разработки и внедрения ИИ-технологий. Такие специалисты будут востребованы в современных условиях цифровизации российской экономики и социальной сферы государства.

Научно-практическая конференция собрал в общей сложности около 30 участников, среди которых представители всех факультетов Московского университета имени А.С. Грибоедова — руководство, преподаватели, аспиранты и студенты, а также практикующие юристы и представители общественных организаций. Продуктивную работу с таким количеством участников позволил осуществить гибридный формат конференции с возможностью подключения онлайн.

В работе первой секции «Использование искусственного интеллекта в юриспруденции» приняли активное участие и выступили с докладами представители юридического факультета Московского университета имени А.С. Грибоедова. Наибольший интерес представили доклады, затрагивающие вопросы использования возможностей ИИ в патриотическом воспитании молодых юристов, при заключении сделок с недвижимостью, генерации текстов при

подготовке авторских текстов, а также использования ИИ в деятельности юристов-практиков в целом.

Так, **Дмитрий Юрьевич Камышанский**, старший преподаватель юридического факультета, председатель Совета молодых ученых Московского университета имени А.С. Грибоедова, член Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, в своем выступлении на основе анализа научных источников, нормативных правовых актов, документов стратегического планирования в сфере использования ИИ выявил перспективы его использования в сфере патриотического воспитания молодых юристов. Им рассмотрены современные технологии анализа больших объемов данных, машинное обучение и методы обработки естественного языка, применяемые для повышения эффективности образовательных процессов и укрепления национальной идентификации среди будущих правоведов. Дмитрием Юрьевичем обоснована необходимость интеграции цифровых инструментов в образовательную среду юридических вузов с целью формирования у обучающихся чувства гордости за свою страну, уважения к ее истории и традициям, а также понимания значимости своей профессии в защите национальных интересов государства. Также описаны конкретные примеры реализации проектов с использованием ИИ для поддержки патриотического воспитания, такие как виртуальные экскурсии по историческим местам, интеллектуальные помощники для изучения законодательства и моделирования правовых ситуаций, направленных на развитие профессиональной компетентности и гражданской ответственности.

Александра Юрьевна Грачева, студентка 3-го курса юридического факультета, член Совета молодых ученых Московского университета имени А.С. Грибоедова, посвятила свой доклад возможностям использования

ИИ в патриотическом воспитании молодежи в целом. Александрой Юрьевной отмечена важность патриотического воспитания молодежи, которое остается актуальной задачей государственной политики. Ее исследование направлено на изучение роли и возможностей использования ИИ в формировании у молодого поколения чувств любви к родине, исторической памяти и готовности защищать интересы страны.

В своем выступлении **Алексей Владимирович Жуковский**, аспирант 2-го курса юридического факультета Московского университета имени А.С. Грибоедова, представил результаты исследования по вопросу применения искусственного интеллекта при заключении сделок с недвижимостью, их правовые особенности. Им рассмотрены вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении государственной регистрации прав на недвижимость. Также Алексеем Владимировичем рассмотрен принцип работы цифрового помощника государственного регистратора «Ева», работающего на основе нейронных сетей, дана его квалификация. Оценена перспектива осуществления государственной регистрации без участия человека, отмечены положительные стороны процесса цифровизации услуг Росреестра. Алексей Владимирович выявил отсутствие законодательного регулирования использования цифровых помощников при проведении государственной регистрации и невозможность ее проведения без участия человека, им сформулированы авторская точка зрения и конкретные предложения.

Даниилом Германовичем Федоровичем, аспирантом 2-го курса юридического факультета Московского университета имени А.С. Грибоедова, в своем докладе был представлен результат изучения проблемы разграничения допустимого использования генеративного искусственного интеллекта и академического мошенничества при подготовке научных и учебных работ. Даниил

Германович провел анализ российского законодательства об авторском праве и образовании, им выявлены пробелы в правовом регулировании. Также рассмотрены зарубежные подходы (доктрина fair use в США, практика ЕС, резонансные судебные дела 2025–2026 годов). Особое внимание уделено текущим законодательным инициативам в РФ (предложения о создании реестра одобренных ИИ-сервисов, модернизации системы «Антиплагиат», введении обязательного цитирования нейросетей). Даниилом Германовичем обосновываются критерии разграничения допустимой помощи и плагиата, сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства и локальных актов образовательных организаций.

В работе секции «Использование искусственного интеллекта в лингвистике» приняли активное участие и выступили с докладами представители факультета лингвистики Московского университета имени А.С. Грибоедова.

Так, **Елизаветой Романовной Кадыровой**, студенткой 3-го курса факультета лингвистики Московского университета имени А.С. Грибоедова, рассмотрены современные подходы к детекции фейковых новостей с использованием методов искусственного интеллекта и лингвистического анализа. Елизаветой Романовной проанализированы ключевые языковые признаки дезинформации, а также алгоритмы обработки естественного языка, применяемые для автоматического выявления фейкового контента. Особое внимание уделено возможностям и ограничениям использования моделей машинного обучения и нейросетевых архитектур. В рамках исследования предложен авторский анализ эффективности лингвистических признаков при классификации новостных текстов.

В своем выступлении **Валерия Владимировна Коломиец**, студентка 3-го курса факультета лингвистики Московского универ-

ситета имени А.С. Грибоедова, представила результат исследования феномена использования искусственного интеллекта в качестве посредника при переводе сакральных текстов. На материале индуистских (Бхагавадгита, Упанишады) и исламских (Коран) текстов Валерией Владимировной проанализированы ограничения современных нейросетевых моделей в передаче перформативности религиозного языка — свойства высказывания быть действием, а не простой констатацией факта. Особое внимание уделено проблеме сохранения иллокутивной силы священных формул, утрате культурно-специфических концепций и неспособности ИИ к герменевтическому пониманию текста. Валерией Владимировной предлагается трехуровневая модель интеграции ИИ и человеческого опыта (преперевод, герменевтическая обработка, ритуальный аудит), позволяющая использовать вычислительную мощност алгоритмов при сохранении сакральной глубины оригинальных текстов. Сделан вывод о невозможности полной автономии ИИ в сфере священного перевода и необходимости симбиоза машинной точности с человеческой духовной интуицией.

В работе секции «Использование искусственного интеллекта в психологии» приняли активное участие и выступили с докладами представители факультета психологии Московского университета имени А.С. Грибоедова.

Так, **Ульяной Радамировной Кузнецовой**, студенткой 1-го курса факультета психологии Московского университета имени А.С. Грибоедова, рассмотрены современные подходы к использованию алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей для раннего выявления суицидальных рисков. Ульяной Радамировной проанализированы источники данных (социальные сети, электронные медицинские карты, речевые паттерны) и оценена эффективность различных моделей предиктивной аналитики. Осо-

бое внимание уделено этическим аспектам и проблеме конфиденциальности данных.

В своем докладе **Алена Борисовна Скворцова**, аспирантка факультета психологии Московского университета имени А.С. Грибоедова, представила результаты исследования потенциала ИИ в изучении гендерной специфики преодоления экономической депривации. Аленой Борисовной рассмотрены психологические аспекты экономической депривации, гендерные различия в преодолении трудностей и методы ИИ в изучении гендерной специфики копинга. Полученные результаты можно использовать для развития теоретических представлений о природе совладающего поведения в условиях экономической депривации с учетом гендерных различий, а также для стимуляции интеграции методов ИИ в психологическую науку.

В результате плодотворной работы и активных научных дискуссий участниками конференции на пленарном заседании и секционных площадках были выработаны ценные рекомендации по совершенствованию этики использования ИИ в различных сферах. Организаторами конференции было принято решение о проведении мастер-классов со студентами Московского университета имени А.С. Грибоедова по рассмотренным в рамках мероприятия вопросам использования ИИ.

ТЕЗИСЫ ОСНОВНЫХ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Камышанский Д.Ю.

Использование возможностей искусственного интеллекта при патриотическом воспитании молодых юристов

Современные тенденции информатизации значительно влияют на процессы обучения и воспитания, включая подготовку юри-

стов. Патриотическое воспитание молодых специалистов требует комплексных подходов, учитывающих технологический прогресс и изменения условий труда и жизни. Одним из перспективных направлений является применение ИИ.

Цифровые инструменты способны поддерживать традиционные формы обучения и внести качественно новое измерение в работу преподавателя и студента. Важно отметить, что внедрение новых технологий не отменяет роль гуманистической составляющей воспитания, оно лишь расширяет арсенал методов и усиливает позитивные эффекты традиционного педагогического процесса.

Представляется, что:

1. Применение ИИ возможно для автоматизированного тестирования уровня правового сознания обучающихся, оценки мотивации к выполнению конституционного долга, мониторинга успеваемости и отслеживания динамики усвоения материала.

2. Персонализация учебных траекторий на основе профилей пользователей повышает интерес студентов к предмету, снижает уровень тревожности и развивает навыки самостоятельного освоения материалов.

3. Система интеллектуальной поддержки решений помогает преподавателям лучше понимать индивидуальные особенности каждого обучающегося и своевременно реагировать на запросы учебной группы.

4. Возможность интеграции VR- и AR-технологий позволяет визуализировать правовые ситуации и модели поведения, обеспечивая глубокое погружение в учебный процесс и мотивируя активное участие в дискуссиях.

Однако, несмотря на многочисленные положительные стороны, необходимо учитывать и некоторые риски: снижение личного контакта между обучающимся и преподавателем, стандартизацию подачи информации, опасность злоупотребления технологиями

для манипуляции сознанием и ценностными ориентациями студентов.

Предлагается ряд практических шагов по совершенствованию учебно-воспитательной работы в рамках указанного направления:

— создание персональных аккаунтов обучающихся с возможностью автоматической обратной связи;

— организация электронного портфолио достижений обучающихся;

— разработка виртуального помощника для консультации по вопросам права и закона;

— реализация дистанционной программы самообразования с элементами геймификации;

— интеграция ИИ-сервисов в рабочие программы дисциплин по юриспруденции.

Кроме того, рекомендуется регулярно проводить научно-организационные мероприятия по проблемам применения ИИ в юридической практике и подготовке кадров.

Грачева А.Ю.

О возможностях использования искусственного интеллекта в патриотическом воспитании молодежи

Студент может найти следующую полезную информацию о патриотическом воспитании при помощи искусственного интеллекта:

1. Определение и цели патриотического воспитания

Искусственный интеллект может объяснить, что такое патриотическое воспитание, его цели и задачи. Например, рассказать о формировании чувства гордости за свою страну, уважении к истории и культуре, развитии гражданской ответственности и готовности защищать интересы родины.

2. Исторический аспект

ИИ может предоставить информацию о традициях патриотического воспитания в России, начиная с древних времен и заканчивая современностью. Это включает рассказы о героях отечества, памятниках культуры и исторических событиях, формирующих национальную идентичность.

3. Современные методы и практики

Студенты могут узнать о современных методах и практиках патриотического воспитания, используемых в образовательных учреждениях, молодежных организациях и общественных движениях. Например, проведении тематических мероприятий, экскурсий, волонтерских акций и спортивных соревнований.

4. Законодательная база

Искусственный интеллект может предоставить информацию о законодательных актах, регулирующих патриотическое воспитание в России. Это включает законы, постановления правительства и региональные программы, направленные на поддержку и развитие патриотизма среди молодежи.

5. Роль семьи и школы

ИИ может объяснить роль семьи и школы в процессе патриотического воспитания. Рассказать о значении семейных традиций, уроков истории и литературы, внеклассных мероприятий и участия родителей в воспитательном процессе.

6. Международный опыт

Студенты могут сравнить подходы к патриотическому воспитанию в разных странах мира. Искусственный интеллект может предоставить информацию о национальных особенностях и различиях в подходах к формированию патриотических чувств и ценностей.

Таким образом, искусственный интеллект становится ценным инструментом для студентов, интересующихся темой патриотического воспитания, помогая им глубже понять его значение и значимость в современном обществе.

Жуковский А.В.

Применение искусственного интеллекта при заключении сделок с недвижимостью: правовые особенности

На протяжении последнего десятилетия государство разрабатывало меры стимулирования для цифровизации услуг Росреестра. С целью стимулирования перевода документооборота с заявителями в электронный вид территориальные подразделения Росреестра выпускали локальные нормативные акты, сокращающие сроки проведения государственной регистрации, в случае если документы предоставлены в электронном формате.

Последняя разработка Росреестра — интеллектуальный помощник «Ева», работающих на основе нейронных сетей. Ассистент способен обнаружить типовые ошибки, распознавать поступившие на рассмотрение документы, предзаполнить необходимые поля в системе, таким образом, максимально облегчив работу с документами, сократив рутинные процессы.

Искусственный интеллект как технология не имеет собственных юридических прав и обязанностей. Он не может самостоятельно нести ответственность за свои действия или владеть имуществом. В случае применения технологий искусственного интеллекта при государственной регистрации, очевидно, его разработчиком, владельцем и пользователем является Росреестр, равно как он является таковым для всего единого государственного реестра недвижимости и отвечает за его достоверность и сохранность. Очевидно, что ответственность за деятельность помощников, подобных помощнику государственного регистратора «Ева», будет нести организация, аналогичную ответственность Росреестр несет и за действия самих государственных регистраторов.

Таким образом, цифровизация и связанная с ней автоматизация рутинного челове-

ческого труда, замена его машинным являются неотъемлемой частью прогрессивного движения в будущее, для чего требуется принятие законов, которые должны успевать за прогрессом. Предварительная проверка документов, поступающих для проведения государственной регистрации, выявление типовых ошибок, проверка правоспособности продавца, наличия у него прав на отчуждаемую по договору недвижимость и прочие действия должны осуществляться в автоматическом режиме с использованием в том числе помощников, чей принцип работы построен на нейронных сетях. Правовая экспертиза, принятие решения о проведении государственной регистрации должны осуществляться в автоматическом режиме, без участия человека. Для этого необходимо пересмотреть действующее законодательство и существующие административные регламенты в области регистрации сделок с недвижимостью.

Федорович Д.Г.

**Авторство, плагиат и генеративный
искусственный интеллект:
где проходит граница между допустимой
помощью и академическим
мошенничеством?**

Проведенный анализ позволяет сформулировать предложения по совершенствованию российского правового регулирования.

Во-первых, представляется целесообразным внесение изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части дополнения ст. 43 указанием на обязанность обучающихся декларировать использование искусственного интеллекта при подготовке письменных работ в порядке, установленном локальными актами образовательной организации.

Во-вторых, необходимы разработка и утверждение на уровне Министерства науки и высшего образования методических рекомендаций для вузов, содержащих критерии оценки работ, выполненных с использованием ИИ, и примерные правила цитирования нейросетей.

В-третьих, целесообразно закрепление в локальных актах образовательных организаций права преподавателя проводить устное собеседование со студентом по содержанию представленной работы для проверки самостоятельности ее выполнения. Такой подход, не требующий внесения изменений в законодательство, уже сегодня может быть реализован в рамках академической свободы вузов.

Граница между допустимой помощью и академическим мошенничеством не является абсолютной линией, а представляет собой спектр, зависящий от контекста, намерения, степени интеллектуального вклада и прозрачности. Российское законодательство в его текущем состоянии, хотя и не содержит специальных норм, создает достаточную правовую основу для квалификации наиболее очевидных нарушений. В то же время стремительное развитие технологий требует оперативной реакции как на законодательном уровне, так и на уровне локального нормотворчества образовательных организаций. Предложения о создании реестра одобренных ИИ-сервисов, внедрении обязательного цитирования и модернизации систем проверки оригинальности текстов, выдвинутые в начале 2026 г., заслуживают всемерной поддержки и скорейшей реализации. Основопологающим принципом должна оставаться подлинность интеллектуального труда: студент или исследователь обязан демонстрировать собственное критическое мышление, анализ и оригинальную аргументацию, а искусственный интеллект может выступать инструментом, усиливающим человеческие способности, но не замещающим их.

Шигарева В.А.

Основные проблемы и подходы к использованию искусственного интеллекта в деятельности юриста

Для того чтобы использование искусственного интеллекта в деятельности юриста приносило максимальную пользу с минимизацией возможных рисков и негативных последствий, необходимо последовательное внедрение ИИ в работу.

Первый шаг внедрения — определить, какие операции допускаются для автоматизации, а какие должны оставаться ручными. К допустимым обычно относятся поиск, суммаризация, черновики, проверка внутренней согласованности текста. К зонам, требующим решения человека, относятся квалификация, выбор стратегии, оценка доказательств, согласование компромиссов и окончательное заключение.

Второй шаг — установить стандарт верификации. Он включает: проверку ссылок на нормы и судебные акты, сопоставление выводов с фактическими материалами, контроль сроков и требований процедуры, а также самостоятельную формулировку ключевых тезисов позиции юристом, а не копирование из подсказки.

Третий шаг — регламентировать применение ИИ внутри организации: перечень разрешенных сценариев, правила работы с чувствительными данными, шаблон отчета о применении инструмента, а также порядок обучения сотрудников и внутреннего аудита качества.

Четвертый шаг — внедрить минимизацию данных, обезличивание, локальную обработку для критичных материалов. Такие меры уменьшают вероятность инцидентов по разглашению персональных данных.

Предложенная последовательная модель позволяет снизить число возвратов документов, уменьшить пропуск формальных

требований и ускорить обработку типовых запросов.

Искусственный интеллект полезен преимущественно как инструмент ускорения работы с текстами и подготовки черновиков, но не как источник окончательных юридически значимых решений. Основные риски связаны с недостоверностью сгенерированных формулировок, подменой юридической аргументации вероятностными выводами, нарушением конфиденциальности и размытием ответственности в команде. Эффективное внедрение требует пошаговой модели: разграничение функций, стандарт проверки, организационный регламент и технические меры защиты. При соблюдении этих условий искусственный интеллект способен повысить производительность, не снижая качество правовой помощи и не подрывая профессиональную автономию.

Кадырова Е.Р.

Детекция фейковых новостей и дезинформации с помощью лингвистического анализа искусственного интеллекта

Результаты компаративного анализа позволили идентифицировать иерархию наиболее информативных признаков, обладающих максимальной дискриминативной способностью при классификации медиаконтента.

1. Эмоциональная валентность и интенсивность

Признаки, отражающие степень эмоциональной заряженности текста, демонстрируют высокую корреляцию с фейковым контентом. Однако наш анализ показывает, что критически важным является не просто наличие эмоций, а их дисбаланс (преобладание гнева, страха или удивления над нейтральными тонами) и неравномерное распределение по тексту.

2. Частота субъективных оценок и модальность

Количественная оценка использования оценочных прилагательных, наречий и модальных глаголов позволяет выявить скрытую тенденциозность автора. Фейковые тексты характеризуются аномально высокой плотностью субъективных суждений, маскируемых под объективные факты.

3. Лексическое разнообразие и сложность

Индексы лексического богатства (например, индекс type-token ratio) и синтаксической сложности выступают надежными индикаторами. Упрощение лексики и снижение вариативности словарного запаса часто свидетельствуют о намеренной адаптации контента для массовой аудитории с целью быстрой вирусной передачи.

Ни один отдельный признак не обладает универсальной надежностью: максимальная точность достигается при комплексном использовании разнородных лингвистических маркеров и алгоритмов машинного обучения. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на повышении адаптивности моделей, их кросс-культурной применимости и развитии принципов объяснимого ИИ. Реализация этих направлений будет способствовать формированию устойчивого информационного пространства и укреплению общественного доверия к цифровым медиа.

Коломиец В.В.

Детекция фейковых новостей и дезинформации с помощью лингвистического анализа искусственного интеллекта

ИИ не совсем бесполезен в священном переводе. Исходя из анализа существующих ограничений и опираясь на теорию Найды о четырех уровнях эквивалентности, мож-

но интегрировать ИИ в перевод сакрального текста.

ИИ не способен переживать сакральное, но он способен создавать условия для того, чтобы это сакральное было корректно пережито и передано человеком. ИИ — это в первую очередь инструмент, а не решение.

Может ли ИИ стать подлинным ритуальным последником? Ответ оказывается сложнее простого «да» или «нет». В чистом виде, как автономный агент, — нет. ИИ никогда не познает веры в ее полном понимании.

Однако в качестве партнера человека и помощника ИИ открывает новую дверь в священном переводе. Беря на себя рутинную и монотонную работу, он освобождает время для полного и глубокого понимания священного текста, способствуя более точной передаче сакрального подтекста. ИИ не заменит ритуального посредника, коим становится переводчик, но может стать хорошим компаньоном при работе со священным.

Кузнецова У.Р.

Прогнозирование риска суицидального поведения посредством использования искусственного интеллекта

Применение ИИ в столь чувствительной сфере сталкивается с рядом барьеров:

1. Конфиденциальность.

Риск нецелевого использования данных.

2. Проблема «черного ящика».

Сложность интерпретации того, почему алгоритм вынес решение о высоком риске, что затрудняет принятие врачебного решения.

3. Ложноположительные результаты.

Риск стигматизации человека из-за ошибочного прогноза системы.

Было громкое исследование Марселя Джаста.

Людей помещали в МРТ-сканер и показывали им слова, связанные с жизнью, смертью, позитивом и негативом (например, «смерть», «жестокость», «счастье», «забота»).

ИИ проанализировал снимки активности мозга. Оказалось, что у людей с суицидальными мыслями мозг реагирует на слово «смерть» не так, как у здоровых.

ИИ научился определять человека с суицидальными намерениями с точностью 91%, просто глядя на то, как «вспыхивает» его мозг при слове «смерть».

У таких людей при этом слове активировались зоны, отвечающие за глубокий самоанализ и «внутреннюю боль», а не за страх (как у обычных людей).

В современном мире мы часто не замечаем, как наши близкие или коллеги оказываются на грани. Человек может улыбаться, работать и вести привычный образ жизни, пока внутри назревает катастрофа.

Скворцова А.Б.

**Потенциал искусственного интеллекта
в изучении гендерной
специфики преодоления экономической
депривации: обзор
современных исследований
и перспективы**

Геополитическая нестабильность, инфляция, пандемии усиливают экономическую нестабильность различных групп населения в разных странах мира и приводят к экономическому неравенству, тем самым увеличивая количество людей, испытывающих экономическую депривацию — состояние, при котором индивид или группа ощущают разрыв между ожидаемым и реальным уровнем материального благополучия.

Стремительное развитие ИИ открывает перед исследователями-психологами новые возможности анализа и обработки данных,

черпаемых из социальных сетей, форумов и мессенджеров, которые давно стали пространством, где люди открыто выражают свои переживания, связанные с экономическими трудностями. Эти данные представляют собой ценный источник информации для психологов.

В рамках проведенного исследования были рассмотрены методы ИИ, позволяющие обрабатывать большие массивы текстовых данных, выявлять скрытые паттерны и закономерности, анализировать эмоциональную тональность высказываний, проводить сравнительный анализ гендерных групп в режиме реального времени.

Потенциал ИИ для психологических исследований велик благодаря имеющимся и развивающимся технологиям. Но их применение требует строгого соблюдения этических принципов: конфиденциальности, прозрачности и справедливости. Для повышения надежности полученных выводов необходима комбинация нескольких методов — мультимодальный анализ и дополнительная корректировка, валидация со стороны исследователя-человека.

В ходе исследования был проведен анализ научных работ на смежные темы, который показал растущий интерес к темам развития и внедрения ИИ в повседневную жизнь и профессиональные сферы и гендерным аспектам копинга в ситуации преодоления экономической депривации. Однако не нашлось полноценных исследований, охватывающих совокупность этих тем в единую.

Обзор подготовил
Камышанский Дмитрий Юрьевич,
старший преподаватель юридического
факультета, председатель Совета молодых
ученых Московского университета
имени А.С. Грибоедова,
член Экспертно-консультативного
совета при Совете Парламентской
Ассамблеи Организации Договора
о коллективной безопасности
kamyshanski_dmitri@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ

при использовании обеспечительных мер в арбитражном и гражданском процессе

БУРЦЕВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

магистрант кафедры гражданского и административного
судопроизводства Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева
postyplenie@mail.ru

Согласно части 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации¹, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, эффективность которой в конечном счете выступает важнейшим структурным элементом правовой системы страны. Обеспечительные меры принимаются судом в целях предотвращения нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижения негативного воздействия допущенных нарушений, создания условий для надлежащего исполнения судебного акта², они позволяют добиться реального исполнения окончательного судебного решения,

что имеет важное значение в рамках реализации права на судебную защиту.

Применение обеспечительных мер всегда сопряжено с риском ограничения прав ответчика, но отказ во введении обеспечительных мер может нарушать интересы истца. Задача суда состоит в том, чтобы найти баланс между необходимостью защиты интересов истца и недопущением необоснованного причинения вреда ответчику. В этой связи в каждом конкретном случае необходимо обеспечить реализацию принципа соразмерности при принятии решения о введении обеспечительных мер.

Отказ в применении обеспечительных мер, как и противоположное ему действие по введению обеспечительных мер, направлены на защиту прав и законных интересов сторон, участвующих в процессе в ту или иную пользу. Важно отметить, что суды отказывают в обеспечительных мерах не только тогда, когда меры кажутся им несораз-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 2023. 7 июня.

мерными, но и тогда, когда не представляется возможным оценить соразмерность³. Отказы во введении обеспечительных мер обычно ограничиваются общими фразами без конкретных оснований принятия такого решения, что не позволяет спрогнозировать решение суда о введении обеспечительных мер в том или ином случае.

Лицо, чьи права и законные интересы нарушены применением обеспечительных мер, вправе взыскать убытки соразмерно той части заявленных требований, в удовлетворении которой было отказано (ст. 146 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее — ГПК РФ), ст. 94, 98 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁵, далее — АПК РФ). Представляется, что такое право при определенных обстоятельствах может иметь ответчик и в случаях оставления иска без рассмотрения и прекращения производства по делу, например в связи с отказом истца от иска⁶. В отличие от неправомерного введения мер, отказ сам по себе не влечет автоматической компенсации убытков для лица, которое проиграло от такого отказа. ГПК РФ и АПК РФ не содержат норм о возмещении убытков за «потерю» обеспечительных мер, при этом иных компенсационных механизмов также не предусмотрено. Так как баланс интересов является важной целью процесса и в том числе использования обеспечительных мер в нем, необходимо предусмотреть такие критерии, которые бы полностью отвечали принципам соразмерности при введении обеспечительных мер. В этой связи важную роль играет своевременная попытка

обжаловать отказ в обеспечительных мерах. Отсутствие компенсаторного механизма, который бы создавал противовес в рамках охраны интересов истца, косвенно поощряет чрезмерную осторожность судов, для которых отказ от введения обеспечительных мер оказывается безопаснее, чем удовлетворение ходатайства об их введении. Устранение рассмотренного перекоса не обязательно требует введения полноценной компенсации истцу за отказ от введения обеспечительных мер, что породило бы риск давления на судебское усмотрение. Более осторожным решением видится развитие процессуальных гарантий пересмотра решения об отказе во введении обеспечительных мер, в том числе ускоренное обжалование отказа, возможность повторного обращения при появлении новых обстоятельств и обязанность суда содержательно мотивировать, почему заявленные риски для законных интересов истца были признаны недостаточными для введения обеспечительных мер. Предлагается закрепить в законодательстве возможность получения компенсации убытков при отказе от обеспечительных мер, если выигравшая сторона понесла их в результате такого отказа.

Хотя право на обжалование является фундаментальным, его использование для искусственного затягивания процесса или временной блокировки действия обеспечительных мер является потенциальным злоупотреблением. Злостное уклонение от исполнения законного определения суда об обеспечении иска также является формой злоупотребления, направленной на срыв судебной защиты.

Требование о введении обеспечительных мер в целом зачастую представляет собой злоупотребление правом. Наиболее опасные проявления злоупотребления связаны с использованием обеспечительных мер как средства неправомерного давления на сторону спора, когда реальной целью заявителя выступает не последующее удовлетво-

³ Кузнецов С.А. Обеспечительные меры в гражданском и административном судопроизводстве. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 85.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2001 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Шамшурин Л.Л. К вопросу об обеспечении иска в состязательном процессе и о некоторых проблемах применения обеспечительных мер при осуществлении правосудия в сфере гражданской юрисдикции // Налоги (газета). 2009. № 19. С. 20.

ние своих требований в случае выигранного дела, а понуждение оппонента к невыгодному соглашению под угрозой остановки его деятельности. Противодействие подобной практике может состоять в последовательном применении требования соразмерности, а также в развитии института встречного обеспечения, переносащего часть риска введения обеспечительных мер на заявителя. Экономический механизм здесь оказывается действеннее запретительного: заявитель, вынужденный обеспечить возможные убытки другой стороны, утрачивает интерес к явно избыточным мерам, и потребность в квалификации его поведения как злоупотребления во многих случаях отпадает сама собой.

Показательно, что наиболее опасные проявления злоупотребления связаны с использованием обеспечительных мер как средства внеправового давления на сторону спора, когда реальной целью заявителя выступает не последующее удовлетворение своих требований в случае выигранного дела, а понуждение оппонента к невыгодному соглашению под угрозой остановки его деятельности. Противодействие подобной практике может состоять в последовательном применении требования соразмерности, а также в развитии института встречного обеспечения, переносащего часть риска введения обеспечительных мер на заявителя. Экономический механизм здесь оказывается действеннее запретительного: заявитель, вынужденный обеспечить возможные убытки другой стороны, утрачивает интерес к явно избыточным мерам, и потребность в квалификации его поведения как злоупотребления во многих случаях отпадает сама собой.

В основе злоупотребления правами в судебном процессе лежит распоряжение лицами субъективными процессуальными правами в нарушении принципа добросовестности и закрепленных целей судопроизводства. Злоупотребление процессуальными правами является широко распро-

страненным явлением, которое оказывает негативное влияние в целом на судебную систему, обуславливает неосновательные обращения в суд вопреки целям их предназначения и создает препятствия при реализации права на судебную защиту, противодействует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дел, формирует пренебрежительное отношение к закону и суду⁷.

Представляется возможным классифицировать все виды злоупотребления правом на обеспечительные меры на прямые злоупотребления и косвенные. Прямое злоупотребление предполагает, что обеспечительные меры, истребуемые в ходатайстве, идентичны предмету иска. Косвенное злоупотребление предполагает наличие лишь формального обоснования для подачи схожих заявлений без добавления новых фактов (повторные или тождественные ходатайства).

Осмысление явления злоупотребления правом на обеспечительные меры требует разграничить понятие недобросовестности и простую процессуальную активность, поскольку смешение данных категорий влечет за собой нежелательные последствия. Чересчур широкое понимание злоупотребления способно отпугнуть добросовестного заявителя, чья настойчивость объясняется реальной угрозой, тогда как чрезмерно узкое понимание позволяет не разглядеть даже очевидные случаи использования института не по назначению. Надежным критерием в данном случае выступает оценка соотношения испрашиваемой меры с той защитой, которую заявитель мог бы получить по итогам разрешения спора. Если мера по своему содержанию совпадает с предметом иска или превосходит его, обеспечение превращается в досрочное удовлетворение притязания, еще не признанного судом. Именно такое совпадение, а не активность стороны

⁷ Зайков Д.Е. Компенсация за фактическую потерю времени: некоторые проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 108.

как таковая, должно служить основным индикатором недобросовестности.

В настоящее время в законодательстве не закреплены юридическое определение и четкие критерии использования обеспечительных мер, а лишь приведен открытый перечень их видов, что затрудняет поиск критериев для их введения или отказа в таковом. В научной литературе обеспечительные меры понимаются как инструмент сохранения имущественного положения сторон и защиты их текущих прав до вынесения судебного решения⁸. Данный процессуальный институт «вытекает из принципа равноправия сторон, предоставляя им равные процессуальные средства защиты своих имущественных прав и интересов»⁹. Открытость законодательных формулировок есть не пробел, а сознательный прием, отвечающий природе самого института, которому приходится реагировать на неограниченное разнообразие жизненных ситуаций в сжатые сроки и без исследования дела по существу.

Различные обеспечительные меры можно рассматривать как проявление единой охранительной функции гражданского и арбитражного процесса, обращенной к разным стадиям и объектам процесса. Иерархия целей института меняет свою конфигурацию в зависимости от того, на какой стадии конфликта применяется мера. На раннем этапе, когда спор еще не оформлен, на первый план выходит цель предотвращения непоправимого вреда, тогда как обеспечение исполнимости будущего акта отступает в силу неопределенности самого притязания. По мере продвижения дела к разрешению по существу соотношение целей смещается: вероятность удовлетворения требования проясняется, и на передний план выступает именно гарантирование исполнимости. Отсюда следует, что оценка соразмерности не мо-

жет быть одинаковой на протяжении всего процесса, она обладает собственной динамикой и должна учитывать изменившийся объем доступной суду информации.

Обеспечение иска, предварительные меры, обеспечение исполнения и обеспечение доказательств различаются периодом применения, а также непосредственной целью, но они совпадают в главном: все они призваны удержать спорное отношение в состоянии, допускающем действительную, а не мнимую защиту права. К числу таких общих признаков и принципов использования обеспечительных мер можно отнести соразмерность, обратимость, подвижность стандарта доказывания в зависимости от стадии и характера последствий, а также сбалансированное распределение процессуальных рисков между сторонами. Дальнейшее развитие института видится в выработке таких общих начал для введения обеспечительных мер, которые смогли бы сделать усмотрение суда предсказуемым и прозрачным, не лишая его необходимой гибкости.

Основная проблема введения обеспечительных мер состоит в том, что необходимо действовать быстро и на основе неполной информации, не жертвуя при этом гарантиями, ради которых существует сама судебная форма защиты. Однако важно обратить также внимание и на другие проблемы.

Так, в законодательстве с инициативой о введении обеспечительных мер может выступать лишь ограниченный круг субъектов, а именно участвующих в деле лиц (стороны, третьи лица, прокурор), в то время как сам суд инициировать выдачу предписания не может и формально не включен в перечень заявителей. Представляется необходимым расширить круг заявителей и рассмотреть возможность придания суду права предлагать меры обеспечения по собственной инициативе (например, в сложных делах или по результатам экспертизы). Такое изменение усилит проактивность правосудия и снизит риск возникновения неиспол-

⁸ Лучинкина Д.А. Проблемы обеспечительных мер в арбитражном процессе // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 11 (80). С. 507.

⁹ Арбитражный процесс: учебн. / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 243.

нения решений. При этом данное предложение не нарушает принцип состязательности судебного процесса.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что цели института обращены не только к сторонам, но и к правопорядку в целом. Обеспечительная мера выполняет сигналь-

ную функцию, показывая участникам оборота, что уклонение от будущего исполнения не остается вне поля зрения суда. Эта превентивная составляющая действует и в отношении лиц, не участвующих в конкретном деле, формируя общее ожидание эффективности защиты.

Литература

1. Арбитражный процесс : учебник / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор В.В. Ярков. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 875 с.
2. Зайков Д.Е. Компенсация за фактическую потерю времени: некоторые проблемы правоприменительной практики / Д.Е. Зайков // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 103–111.
3. Кузнецов С.А. Обеспечительные меры в гражданском и административном судопроизводстве / С.А. Кузнецов. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 152 с.
4. Лучинкина Д. А. Проблемы обеспечительных мер в арбитражном процессе / Д.А. Лучинкина // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 11 (80). С. 506–512.
5. Шамшурин Л.Л. К вопросу об обеспечении иска в состязательном процессе и о некоторых проблемах применения обеспечительных мер при осуществлении правосудия в сфере гражданской юрисдикции / Л.Л. Шамшурин // Налоги (газета). 2009. № 19.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

личности террориста-подростка в современных условиях

ДОВГОПОВ ДАНИИЛ ДЕНИСОВИЧ,

студент Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ddovgoplov-23@ranepa.ru

КАМЫШАНСКИЙ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ,

член Экспертно-консультативного совета при Совете
Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной
безопасности, старший преподаватель юридического факультета
Московского университета имени А.С. Грибоедова
kamyshanski_dmitri@mail.ru

Проблема терроризма в XXI в. приобрела характер глобального вызова, угрожающего безопасности как отдельных государств, так и всего мирового сообщества¹. Однако в последнее десятилетие наблюдается тревожная тен-

денция, привлекающая пристальное внимание криминологов, психологов и правоведов: устойчивое «омоложение» терроризма. Все чаще субъектами преступлений террористической направленности становятся несовершеннолетние, а возрастной порог вовлечения в экстремистскую деятельность неуклонно снижается.

¹ Камышанский Д.Ю. Коррупция как один из основных факторов терроризма // Образование и право. 2019. № 3. С. 25–28.

Согласно данным Следственного комитета Российской Федерации, за последние пять лет количество преступлений террористического характера, совершенных подростками или при их соучастии, возросло в разы. Аналогичные процессы фиксируются в странах Европы, на Ближнем Востоке и в США².

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, подростковый возраст в силу психофизиологических особенностей (эмоциональная нестабильность, максимализм, поиск идентичности, подверженность внешнему влиянию) является зоной повышенного риска для восприятия радикальной идеологии.

Во-вторых, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, анонимность сети Интернет и активное использование социальных сетей и мессенджеров вербовщиками создают принципиально новые условия для манипуляции сознанием несовершеннолетних³.

В-третьих, современная геополитическая ситуация, вооруженные конфликты у границ Российской Федерации и информационная война способствуют тиражированию образов насилия и вражды⁴, которые могут некритично восприниматься подростковой аудиторией.

Особую значимость приобретает анализ не только статистических данных, но и глубинных криминологических характеристик

личности несовершеннолетнего преступника⁵.

По нашему мнению, без понимания того, кем является современный подросток-террорист, каковы его мотивы, социальное происхождение и психологический облик, невозможно выстроить эффективную систему профилактики, направленную на устранение причин и условий, способствующих радикализации молодежи.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и систематизации социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических характеристик личности подростка-террориста на основе анализа трагических инцидентов, произошедших как на территории Российской Федерации, так и в зарубежных государствах, с последующим определением ключевых мотивационных доминант преступного поведения.

Для понимания криминологической природы явления необходимо обратиться к конкретным резонансным событиям, произошедшим в России за последние годы. Анализ материалов уголовных дел и открытых источников позволяет выделить несколько знаковых случаев, которые иллюстрируют эволюцию личности подростка-террориста. Также для более детального анализа необходимо рассмотреть конкретные случаи по нескольким критериям: социальный статус, психологический портрет, цели и мотивации террориста-подростка.

Так, например, 17 октября 2018 г. студент четвертого курса Керченского политехнического колледжа Владислав Росляков (18 лет) совершил подрыв самодельного взрывного устройства и массовый расстрел учащихся и сотрудников учебного заведения⁶. Жертвами трагедии стал 21 человек,

² Аксенов А.Н., Воронин С.А., Закомолдин Р.В. и др. Обзор II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. «Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», посв. Дню народного единства (Москва, 7 ноября 2025 г.) // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4 (56). С. 197–214.

³ Аксенов А.Н. О факторах влияния на уровень насильственной преступности после окончания специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2025. № 2. С. 15–20.

⁴ Камышанский Д.Ю. Современные угрозы безопасности государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности // Военное право. 2025. № 2 (90). С. 37–44.

⁵ Пронин Т.Т. Общественная безопасность: проблемы определения понятийного аппарата // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 131–133.

⁶ Aliev R.T. Crossing the Threshold: School Shooting as a “Ritual of Chiral Initiation” // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. Iss. 3. P. 221–245.

пострадали более 70. С правовой точки зрения действия Рослякова были квалифицированы по ряду статей, включая террористический акт (ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷, далее — УК РФ), хотя впоследствии в общественном дискурсе закрепился термин «масс-шутинг» (скул-шутинг).

Криминологический анализ личности указанного преступника представлен следующим образом.

1. Социальный статус

В. Росляков происходил из внешне благополучной, но неполной семьи (воспитывался матерью и отчимом, отец жил отдельно), в семье наблюдались проблемы с материальными средствами, что порождало издевки со стороны одноклассников. Характеризовался сверстниками как замкнутый, необщительный, но не конфликтный.

2. Психологический портрет

Наблюдались признаки депрессии, увлечение деструктивными субкультурами и виртуальными сообществами, романтизирующими насилие. Установлено, что В. Росляков интересовался темой массовых расстрелов в США (в частности, трагедией в школе «Колумбайн»), собирал информацию об оружии и взрывчатке.

3. Цели и мотивация

Отсутствие явной религиозной, политической или национальной подоплеки. Основным мотив — месть конкретным лицам⁸ и всем тем, «кто его не понимал», самоутверждение через насилие, желание войти в историю, копирование «кумиров». Это принципиально новый тип террористической мотивации, базирующийся не на идеологии, а на психопатологической деструкции.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Как отметил председатель СК России А.И. Бастрыкин, мотивом действий В. Рослякова стали «социальный протест и неустроенность», которые вылились в ненависть к конкретным одноклассникам.

Следующий анализируемый авторами инцидент — нападение на Пермский госуниверситет, которое было совершено 20 сентября 2021 г. Студент юридического факультета Тимур Бекмансуров (18 лет), вооружившись гладкоствольным ружьем, пришел на территорию ПГНИУ и открыл стрельбу по людям и автомобилям. В университете возникла паника, в ходе которой 18 человек пытались спастись, выпрыгивая из окон учебных корпусов. В результате стрельбы 6 человек погибли, 20 были ранены, 37 получили различные телесные повреждения.

Криминологический анализ личности Т. Бекмансурова:

1. Социальный статус

Представляет интерес, что Т. Бекмансуров происходил из обеспеченной, полной семьи. Мать — предприниматель, отец — военнослужащий. Материальное положение было хорошим, что опровергает имеющийся стереотип о связи бедности и терроризма.

2. Психологический портрет

С раннего возраста проявлял интерес к огнестрельному оружию и военной тематике. По свидетельствам близких, был скрытным, но вежливым. Ключевую роль сыграла его погруженность в англоязычный сегмент интернета, где он контактировал с сообществами, пропагандирующими насилие (так называемые колумбайнеры)⁹. За несколько дней до нападения он опубликовал в соцсетях сообщение, в котором называл себя «зверем» и «мусором», не видящим смысла в жизни.

В современном мире подростки являются активными пользователями социальных сетей, в которых распространяются деструктивные культы и сообщества.

По мнению авторов, интернет — основной проводник «Колумбайна» в Российской Федерации. Привыкая к деструктивному контенту, подхватывая многие взгляды, прави-

⁹ Силантьев Р.А. и др. Кто такие колумбайнеры и как их распознать: метод. пособ. Н. Новгород: Правительство Нижегородской области, 2022. 70 с.

ла, нормы, молодые люди готовы следовать «модным» направлениям, вынося их в реальную жизнь.

3. Цели и мотивация

Мотивация Т. Бекмансурова практически идентична керченскому стрелку: нигилизм, отрицание общественных ценностей, желание совершить нечто масштабное, что прославит его. Важно отметить, что оружие было приобретено легально.

В последние годы получила распространение новая форма вовлечения подростков: дистанционная вербовка через мессенджеры по типу Telegram, WhatsApp¹⁰ с целью совершения диверсий и поджогов (военкоматов, административных зданий, объектов инфраструктуры) за денежное вознаграждение.

Так, в 2024 г. в России был зарегистрирован 1191 теракт, что стало рекордным показателем за весь период ведения статистики с 2003 г. По данным Министерства внутренних дел России, число терактов в стране почти утроилось по сравнению с предыдущим годом, когда было зафиксировано 410 подобных преступлений (в 2022-м — 127). Этот показатель также в 149 раз превышает минимум, зафиксированный в 2015 г., когда в отчетах МВД упоминалось всего восемь терактов.

Начиная с 2022 г. Следственным комитетом России было возбуждено множество уголовных дел в отношении несовершеннолетних (в возрасте 14–17 лет)¹¹, задержанных при попытке поджога или подготовки теракта по заданию кураторов с территории Украины и других стран.

Криминологический анализ личности таких подростков:

1. Возраст заметно снизился. Фиксируются случаи задержания 14–15-летних.

2. Мотивация.

¹⁰ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

¹¹ Ерохина Э.А. Терроризм в современной России: анализ кейсов и системные проблемы противодействия // Актуальные исследования. 2025. № 11–1 (246). С. 57–62.

В отличие от керченского типа, здесь ярко выражен корыстный мотив. Подросткам обещают относительно небольшие суммы (от 10 до 50 тысяч рублей) за совершение преступления. Идеологическая составляющая либо отсутствует, либо подается в примитивной форме «помоги России/Украине». Многие подростки не осознают тяжесть последствий и относятся к этому как к «квесту» или «игре».

3. Личностные черты: низкий уровень критического мышления, высокая внушаемость, отсутствие сформированных морально-нравственных ориентиров. Часто это подростки из социально неблагополучных или неполных семей, хотя встречаются и исключения.

Представляется, что для полноты и должной аргументации необходимо рассмотреть зарубежные инциденты, которые стали моделями для подражания и задали тренды в молодежной радикализации.

Массовое убийство в школе «Колумбайн» — спланированное нападение Эрика Харриса и Дилана Клиболда, двух учеников старших классов школы «Колумбайн», расположенной в одноименной общине округа Джефферсон, штат Колорадо, на остальных учеников и персонал этой школы, совершенное 20 апреля 1999 г. с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 13 человек (12 учеников и одного учителя), ранили еще 24 человека, после чего застрелились сами. Этот случай стал точкой отсчета для целой эпохи массовых убийств в учебных заведениях по всему миру¹².

Криминологический анализ личностей Харриса и Клиболда:

1. Мотивация

Месть школьным «спортсменам» и одноклассникам за буллинг, желание запугать всех, кто их «не ценил». Идея создания

¹² Пучнина М.Ю., Пучнин А.В. Анализ деятельности адептов радикального идейного движения «колумбайн» // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 12 (181). С. 74–83.

«культового» события, которое превзойдет по масштабу все предыдущие. Подробные дневники и видео, оставленные убийцами, демонстрируют их нарциссизм, агрессию и полное отсутствие эмпатии.

2. Психологический портрет

Оба не были «одинокими волками» в прямом смысле, они поддерживали друг друга, создавая токсичный симбиоз. Харрис проявлял психопатические черты (лидер, инициатор), Клиболд — склонность к депрессии и подчиняемость (ведомый)¹³. Их объединяло увлечение нацистской эстетикой, видеоиграми с элементами насилия и депрессивной музыкой.

Стоит отметить, что в странах Западной Европы (Франция, Бельгия, Германия) в 2010-х годах сформировался иной тип подростка-террориста, связанный с деятельностью запрещенной в Российской Федерации организации ИГИЛ.

Конкретным примером является теракт в редакции Charlie Hebdo в Париже. Террористический акт в Charlie Hebdo произошел 7 января 2015 г. В результате нападения вооруженных исламистских боевиков погибли 12 человек, ранены 11. Главные подозреваемые в совершении террористического акта братья Саид и Шериф Куаши 9 января были уничтожены французскими силовиками в ходе спецоперации¹⁴.

Хотя непосредственные исполнители были взрослыми, расследования показали активное участие подростков (включая несовершеннолетних) в качестве пособников: предоставление жилья, транспорта, распространение пропаганды.

Позднее появились случаи с «детьми джихада»¹⁵ — подростками, вернувшимися

из зон боевых действий, или радикализованными через интернет иммигрантами во втором поколении.

Результаты криминологического анализа таких лиц можно представить следующим образом.

1. Мотивация: религиозно-идеологическая (искаженное понимание ислама), чувство отчуждения от европейского общества (кризис идентичности), поиск «братства» и смысла жизни.

2. Социальный статус: часто — выходцы из семей мигрантов, проживающие в бедных пригородах, сталкивающиеся с дискриминацией и отсутствием перспектив. Однако есть и случаи радикализации коренных европейцев, принявших ислам.

3. Способы вовлечения: активное использование социальных сетей, закрытых каналов, а также офлайн-вербовка в мечетях и местах компактного проживания диаспор.

Массовое распространение в Европе феномен терроризма одиночек получил именно в связи с деятельностью ИГИЛ благодаря умело проведенной информационно-пропагандистской кампании. Необходимо отметить, что данная террористическая организация была не первой исламистской структурой, распространяющей призывы к совершению актов «одиночного джихада».

Обобщая вышеизложенные кейсы и опираясь на теоретические разработки отечественных криминологов, можно выделить устойчивый набор признаков, характеризующих личность несовершеннолетнего, совершающего преступления террористической направленности.

1. Социально-демографические признаки

Возраст: от 14 до 18 лет. Критическим является период 15–17 лет, когда происходит активное формирование мировоззрения, но отсутствуют жизненный опыт и критическое восприятие информации. В последние годы наблюдается тенденция к снижению

туры, которые спровоцировали в 2015 г. убийство десяти сотрудников редакции журнала и двух полицейских.

¹³ Иликбаева Е.С., Жук А.П. «Колумбайн» как террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 244–245.

¹⁴ Arkin K.A. Talking about Antisemitism in France Before and After Charlie Hebdo and Hyper Cacher // Jewish History. 2018. Vol. 32. Iss. 1. P. 77–97.

¹⁵ Убийство этническим чеченцем Абдуллахом Анзоровым учителя Самюэля Пати, показавшего на уроке те самые карика-

возраста вовлекаемых (14 лет и младше) в качестве исполнителей второстепенных ролей (закладчики, поджигатели).

Пол: преимущественно мужской. Однако современные данные свидетельствуют о росте числа девушек среди пособниц террористов. Женская мотивация чаще связана с романтизацией образа «борца», влюбленностью в вербовщика или желанием обрести семью в экстремистской группе.

Образование и занятость: большинство — учащиеся школ, колледжей, реже — вузов. Часто наблюдаются снижение успеваемости, потеря интереса к учебе, прогулы. Часть подростков нигде не учатся и не работают, что создает благоприятную почву для вербовки.

Семейное положение и воспитание: наблюдается корреляция с неблагополучными, неполными семьями, где отсутствует эмоциональная связь между детьми и родителями. Однако, как показали примеры Бекмансурова и ряда «скулшутеров» в США, внешне благополучные семьи (полные, обеспеченные) не гарантируют защиту от радикализации. Ключевым фактором является не материальное положение, а качество внутрисемейных отношений и уровень контроля за цифровой жизнью подростка.

2. Нравственно-психологические признаки

Эмоционально-волевая сфера. Характерны эмоциональная неустойчивость, повышенная тревожность, обидчивость. Многие подростки имеют опыт переживания психотравмирующих ситуаций (буллинг в школе, конфликты в семье, несчастная любовь). Волевой контроль снижен, что облегчает манипуляцию извне.

Ценностные ориентации: отчуждение от общепринятых социальных норм и ценностей (нигилизм). Наблюдается деформация системы ценностей, при которой насилие начинает восприниматься как допустимый и даже предпочтительный способ

решения проблем. Жизнь другого человека обесценивается.

Психопатологический фон: нельзя утверждать, что все подростки-террористы психически больны. Однако у многих диагностируются различные пограничные состояния, расстройства личности, депрессивные состояния. В ряде случаев (как с В. Росляковым) присутствуют признаки суицидальных наклонностей¹⁶.

Коммуникативные особенности: часто наблюдаются замкнутость, трудности в установлении социальных контактов, неспособность выстраивать здоровые отношения со сверстниками. Виртуальное общение заменяет реальное, а деструктивные онлайн-сообщества становятся «суррогатной семьей».

Проведенный анализ российских и зарубежных трагических инцидентов позволяет утверждать, что личность современного подростка-террориста претерпела серьезную трансформацию. На смену «классическому» террористу-смертнику с устойчивыми религиозными убеждениями пришел более сложный и неоднозначный тип: это может быть и озлобленный аутсайдер¹⁷ из внешне благополучной семьи, копирующий западные образцы масс-шутинга, и социально неадаптированный подросток из неблагополучной среды, выполняющий за деньги задания виртуальных кураторов, и молодой человек с размытой идентичностью, ищущий смысл жизни в рядах радикальных организаций.

Объединяющими чертами выступают: уязвимость перед манипуляциями в цифровой среде, эмоционально-психологическая нестабильность, деформация ценностных ориентиров и отсутствие эффективных механизмов социального контроля (семей-

¹⁶ Гриненко У.Б. Отношение представителей молодежи к смерти и феномену скулшутинга // Психология и право. 2023. Т. 4. № 13. С. 150–163.

¹⁷ Это человек, команда или компания, занимающие последнее место, отстающие от остальных или не входящие в основной круг (чужаки).

ного, школьного). Выявленные особенности требуют не просто усиления репрессивных мер, а кардинального пересмотра подходов к профилактике, смещения акцента на психолого-педагогическое сопровождение, развитие критического мышления у подростков и контроль за деструктивным контентом в сети Интернет.

Проведенное исследование, посвященное анализу криминологических особенностей личности террориста-подростка в современных условиях, позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, трансформация феномена.

Современный терроризм с участием несовершеннолетних вышел за рамки классических представлений о нем как о сугубо идеологически мотивированном явлении¹⁸. Анализ трагических инцидентов в Российской Федерации и за рубежом демонстрирует принципиально новую реальность: наряду с религиозно-политической мотивацией (характерной для Европы и Ближнего Востока) все большее распространение получают деструктивно-нигилистическая мотивация (скулшутинг) и корыстная мотивация (выполнение заданий вербовщиков за вознаграждение). Это свидетельствует о диверсификации угроз и усложнении криминологического портрета преступника.

Во-вторых, криминологический портрет.

Обобщая выявленные признаки, можно составить собирательный образ современного подростка-террориста.

Демографически: лицо мужского пола (хотя доля девушек-пособниц растет) в возрасте 15–17 лет, учащийся школы или колледжа. Социальное происхождение варьируется от неблагополучных до внешне благополучных семей, что опровергает тезис о прямой корреляции между бедностью и терроризмом. Ключевым фактором вы-

ступает не материальное положение, а характер внутрисемейных отношений (эмоциональная холодность, отсутствие контроля и доверия).

Психологически: портрет характеризуется эмоциональной нестабильностью, наличием психотравмирующего опыта (буллинг, конфликты), акцентуациями характера (шизоидного, эпилептоидного типов), низкой эмпатией и склонностью к депрессии¹⁹. Важнейшей особенностью является «цифровая уязвимость» — погруженность в виртуальную среду, где деструктивные сообщества заменяют реальную социализацию и формируют искаженную картину мира.

Мотивационно: цели преступлений группируются вокруг четырех доминант: деструктивно-нигилистическая (мечь, самоутверждение, копирование кумиров), идеологическая (религиозная или политическая), корыстная (материальная выгода) и смешанная.

В-третьих, роль цифровой среды.

По мнению авторов, современные информационно-коммуникационные технологии играют ключевую роль в радикализации подростков. Социальные сети, мессенджеры с функцией анонимности, онлайн-игры и закрытые форумы стали основным инструментом вербовки. Именно в цифровом пространстве происходят подмена ценностей, романтизация насилия и формирование образа врага. Вербовщики эффективно используют психологические особенности подросткового возраста: поиск идентичности, тягу к риску, желание принадлежать к группе («виртуальная семья»).

В-четвертых, сравнительный анализ.

Сопоставление российского и зарубежного опыта выявило как общие закономерности, так и специфику. Общим является наличие феномена масс-шутинга как глобального тренда, зародившегося в США

¹⁸ Мирзаянов Р.Х. Международный терроризм и экстремизм как глобальный феномен: тенденции развития и опыт противодействия : дис. ... канд. полит. наук. М., 2023. 187 с.

¹⁹ Гайратова Г. Молодежный экстремизм в Центральной Азии: сущность и проблемы борьбы с ним : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2021. 59 с.

и распространившегося по миру (включая Российскую Федерацию) через механизмы подражания. Различия обусловлены социокультурным контекстом: в Европе сильнее выражен религиозно-миграционный фактор, в России наряду с «колумбайновским» трендом активно проявляется меркантильная мотивация, связанная с дистанционной вербовкой из-за рубежа в условиях геополитического противостояния.

В-пятых, перспективы дальнейших научных исследований.

Представляется, что тема требует дальнейшего изучения в нескольких направлениях. Так, необходимо углубленное психологическое исследование влияния новых технологий (искусственный интеллект, технологии дипфейков, виртуальная реальность) на процесс радикализации.

Кроме того, актуальными являются разработка и апробация конкретных программ

профилактики, ориентированных на различные типы подростков (выделенные в данной статье). Также важен мониторинг зарубежного опыта противодействия вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность с целью адаптации наиболее успешных практик к российским условиям.

Изучение личности террориста-подростка — это не только юридическая или криминологическая, но и глубокая социально-психологическая проблема. Ее решение лежит в плоскости консолидации усилий государства, институтов гражданского общества, системы образования и семьи.

Только комплексный подход, учитывающий все многообразие факторов, влияющих на формирование деструктивной личности, способен дать долгосрочный эффект в деле противодействия терроризму.

Литература

1. Аксенов А.Н. О факторах влияния на уровень насильственной преступности после окончания специальной военной операции / А.Н. Аксенов // Военно-юридический журнал. 2025. № 2. С. 15–20.
2. Аксенов А.Н. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», посвященной Дню народного единства (Москва, 7 ноября 2025 г.) / А.Н. Аксенов, С.А. Воронин, Р.В. Закомолдин [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4 (56). С. 197–214.
3. Гайратова Г. Молодежный экстремизм в Центральной Азии: сущность и проблемы борьбы с ним : автореферат диссертации кандидата исторических наук / Г. Гайратова. Душанбе, 2021. 59 с.
4. Гриненко У.Б. Отношение представителей молодежи к смерти и феномену суицидологии / У.Б. Гриненко // Психология и право. 2023. Т. 4. № 13. С. 150–163.
5. Ерохина Э.А. Терроризм в современной России: анализ кейсов и системные проблемы противодействия / Э.А. Ерохина // Актуальные исследования. 2025. № 11–1 (246). С. 57–62.
6. Иликбаева Е.С. «Колумбайн» как террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации / Е.С. Иликбаева, А.П. Жук // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 244–245.
7. Камышанский Д.Ю. Коррупция как один из основных факторов терроризма / Д.Ю. Камышанский // Образование и право. 2019. № 3. С. 25–28.

8. Камышанский Д.Ю. Современные угрозы безопасности государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности / Д.Ю. Камышанский // Военное право. 2025. № 2 (90). С. 37–44.
9. Мирзаянов Р.Х. Международный терроризм и экстремизм как глобальный феномен: тенденции развития и опыт противодействия : диссертация кандидата политических наук / Р.Х. Мирзаянов. Москва, 2023. 187 с.
10. Пронин Т.Т. Общественная безопасность: проблемы определения понятийного аппарата / Т.Т. Пронин // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 131–133.
11. Пучнина М.Ю. Анализ деятельности адептов радикального идейного движения «колумбайн» / М.Ю. Пучнина, А.В. Пучнин // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 12 (181). С. 74–83.
12. Силантьев Р.А. Кто такие колумбайнеры и как их распознать : методическое пособие / Р.А. Силантьев [и др.]. Нижний Новгород : Правительство Нижегородской области, 2022. 70 с.

References

1. Aliev, R.T. Crossing the Threshold: School Shooting as a “Ritual of Chiral Initiation” / R.T. Aliev // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. Iss. 3. P. 221–245.
2. Arkin, K.A. Talking about Antisemitism in France Before and After Charlie Hebdo and Hyper Cacher / K.A. Arkin // Jewish History. 2018. Vol. 32. Iss. 1. P. 77–97.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: критический анализ мирового опыта и эффективности применения

КАМОРДИН ИВАН СЕРГЕЕВИЧ,

студент Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
ikamordin-23@ranepa.ru

Введение

Проблема терроризма в XXI в. трансформировалась из локальной угрозы в глобальный вызов, подрывающий устои государственности и безопасность международного сообщества. Ежегодно тысячи людей становятся жертвами террористических атак, и общество закономерно требует от государства самых решительных мер по защите граждан и наказанию виновных.

В общественном дискурсе, особенно после громких терактов, регулярно звучат призывы к применению высшей меры наказания. Данная позиция апеллирует к чувству справедливости и, как отмечает Д.А. Пресняков, к экономической выгоде от экономии средств на содержание преступников¹. Однако, как справедливо указывает ряд современных исследователей, эмоционально понятная точка зрения далеко не всегда ока-

зывается юридически и криминологически состоятельной².

Вопрос о применении смертной казни за терроризм находится на сложном пересечении уголовной политики, международного права, этики и прав человека³. Мировая практика демонстрирует полярность подходов.

Так, например, в США, несмотря на наличие федерального законодательства, предусматривающего смертную казнь за особо тяжкие преступления, исследователи фиксируют устойчивую тенденцию к сокращению числа реально исполняемых приговоров.

Китай, оставаясь мировым лидером по числу казней, разработал уникальный институт «отсрочки исполнения пригово-

¹ Пресняков Д.А. Смертная казнь и ее воздействие на преступность // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 12 (39). С. 696–701.

² Химеденова Д.Н., Букалова М.А., Галаева Л.М. Смертная казнь как инструмент борьбы с терроризмом: международный опыт и российская практика // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2.

³ Максимукова Е.Д., Камышанский Д.Ю. Смертная казнь как вид уголовного наказания: за и против // Юрист спешит на помощь. 2025. № 4. С. 34–37.

ра»⁴, позволяющий минимизировать реальные казни и заменять их пожизненным заключением при законопослушном поведении осужденного.

Государства Ближнего Востока (Иран, Ирак) широко применяют высшую меру, квалифицируя терроризм как «войну против Бога», однако международное сообщество систематически критикует их за грубые нарушения прав обвиняемых. Европейский союз занимает последовательную аболиционистскую позицию, рассматривая смертную казнь как наказание, несовместимое с человеческим достоинством.

При этом наблюдается тревожная тенденция возвращения (ренессанса) практики смертной казни, связанная с террористической угрозой. Как отмечает помощник Генерального секретаря ООН Иван Шимонович, такой подход зачастую вступает в противоречие с Международным пактом о гражданских и политических правах, который разрешает применение смертной казни только за самые тяжкие преступления⁵.

Таким образом, цель настоящего исследования — проанализировать аргументы сторонников и противников смертной казни за терроризм на основе зарубежного опыта и оценить эффективность высшей меры как инструмента контртеррористической политики.

Криминологическая несостоятельность: отсутствие превентивного эффекта

Первостепенный и наиболее весомый довод против возврата к расстрелам зиждется на отсутствии эмпирически подтвержденных данных о сдерживающем воздействии высшей меры. Масштабная аналитическая работа, выполненная исследовательским коллективом под руководством Д.Н. Хи-

меденовой в 2025 г., недвусмысленно резюмирует: «Изучение колебаний числа террористических атак за последние три десятка лет не обнаружило взаимосвязи между суверенностью санкций и динамикой преступности»⁶. Сведения Федерального бюро расследований США также опровергают гипотезу об устрашающем эффекте.

Этот тезис подкрепляется практикой государств, где смертные приговоры выносятся регулярно. В Пакистане снятие моратория в 2014-м не повлекло за собой спада террористической деятельности; более того, эксперты указывают, что казни нередко служили орудием политической расплаты, а не актом правосудия. В Индонезии, ужесточившей наказание вплоть до расстрела за наркоторговлю (ключевой канал финансирования террористических группировок), уровень преступлений данной категории не уменьшился, а, напротив, продемонстрировал тенденцию к росту.

Объяснение этому феномену дает Иван Шимонович: «Для многих воинствующих экстремистов смертный приговор — это лишь возможность побыстрее попасть в рай... кроме того, когда обвиняемый в терроризме подвергается казни, он становится мучеником»⁷. Таким образом, казнь не устрашает, а вдохновляет новых сторонников, создавая ореол мученичества и служа катализатором радикализации. Индийские исследователи на примере казни террориста Мохаммеда Аджмала Амира Касабы также пришли к выводу, что высшая мера не имеет сдерживающего потенциала и является лишь «удовлетворением негодования граждан».

В.А. Маслов, обобщая зарубежные исследования, подчеркивает, что даже в США, где смертная казнь применяется на федеральном уровне, отсутствуют надежные и научно обоснованные доказательства ее сдержи-

⁴ Фарвазова М.Б., Закирова Э.Ф. Смертная казнь: мировая практика // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 301–304.

⁵ Шимонович И. Помощник Генерального секретаря ООН Иван Шимонович: «Смертная казнь не имеет сдерживающего эффекта для террористов» // Центр новостей ООН. 2016.

⁶ Химеденова Д.Н., Букалова М.А., Галаева Л.М. Указ. соч.

⁷ Шимонович И. Указ. соч.

вающего эффекта⁸. Более того, в штатах, где смертная казнь отменена, уровень убийств зачастую ниже, чем в штатах, где она сохраняется.

Дискриминационный характер и избирательность правосудия

Вторая фундаментальная проблема — системный дискриминационный характер применения смертной казни. В.А. Маслов в своем исследовании 2022 г. выделяет это как один из ключевых аргументов против высшей меры наряду с отсутствием эффективности и несправедливостью наказания⁹.

В США результаты исследований подтверждают устойчивую расовую предвзятость: вероятность вынесения смертного приговора значительно выше в случаях, когда обвиняемый является афроамериканцем, а жертва — белой. Исследователи также отмечают, что часто казнь связана не с объективной тяжестью деяния, а с «исключительным невезением»: плохим представительством со стороны защиты или нахождением в округе, где прокурор имеет склонность к применению смертной казни¹⁰.

В Индии, по заключениям исследователей, три четверти осужденных к виселице происходят из неимущих слоев и религиозных меньшинств. Карательная машина нацелена на бедноту и маргинализированных лиц, тогда как представители обеспеченной элиты почти гарантированно уходят от эшафота. В Нигерии правозащитники подчеркивают вопиющий классовый характер приговоров, что превращает Фемиду в орудие подавления, а не защиты социума.

Особо циничным примером служит недавний законопроект в Израиле, предусматривающий обязательную смертную казнь за терроризм, но, по заявлениям самих за-

конодателей, направленный исключительно против палестинцев. Здесь высшая мера становится орудием политической расправы, полностью разрушая принцип равенства перед законом. Аналогичные проблемы наблюдаются и в других странах: смертная казнь нередко применяется к представителям оппозиции или национальных меньшинств, что подтверждает тезис о ее дискриминационной природе.

Необратимость судебной ошибки как фундаментальная проблема

Третья критическая уязвимость состоит в риске судебного просчета, который в делах о терроризме возрастает многократно из-за колоссального общественно-политического резонанса, информационного голода и требований оперативного реагирования со стороны властей.

Исследование Химеденовой приводит трагические примеры из американской практики. Дело Тимоти Брайана Коула, осужденного в 1986 г. в Техасе за изнасилование на основании сомнительного опознания, при полном отсутствии вещественных доказательств. Он скончался в тюрьме в 1999 г., и лишь в 2008 г. ДНК-экспертиза полностью исключила его причастность к преступлению, что привело к посмертной реабилитации в 2009 г.¹¹

В качестве примера также может быть представлено дело Джозефа Арриди, казненного в 1939 г. в Колорадо за убийство на основе признательных показаний, полученных под давлением от человека с IQ около 46. Лишь в 2011 г. губернатор Колорадо подписал посмертное помилование, признав, что судебная ошибка стала следствием процессуальных нарушений и дискриминационного отношения к лицам с психическими отклонениями.

Как отмечает В.А. Маслов, в США с 1973 г. были случаи, когда осужденные

⁸ Маслов В.А. О зарубежной практике применения смертной казни и химической кастрации как мер уголовно-правового воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 709–736.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Химеденова Д.Н., Букалова М.А., Галаева Л.М. Указ. соч.

к смерти были посмертно оправданы благодаря новым доказательствам или ДНК-экспертизе¹². Китайский институт отсрочки исполнения приговора на два года является косвенным признанием этого риска и попыткой создать «подушку безопасности», однако он не гарантирует спасения невиновного. Цена судебной ошибки — человеческая жизнь — делает смертную казнь принципиально неприемлемой в условиях несовершенной системы правосудия¹³.

Международно-правовой контекст и позиция Российской Федерации

Международное право устанавливает строгие рамки для применения смертной казни. Шестая статья Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., декларируя неотчуждаемость права на жизнь, разрешает применение исключительной меры лишь за наиболее серьезные преступления и исключительно на базе приговора, набравшего законную силу. Второй Факультативный протокол к упомянутому Пакту, утвержденный в 1989 г., уже напрямую ориентирован на полную отмену казней¹⁴.

С 1996 г. в России действует мораторий на применение смертной казни, введенный Указом Президента и подтвержденный Конституционным Судом РФ, который постановил, что до создания судов присяжных во всех регионах страны назначение смертной казни невозможно. Формально этот вид наказания сохраняется в Уголовном кодексе Российской Федерации¹⁵ (ст. 59), но фактически не применяется. Выход Рос-

сии из Совета Европы в 2022 г. формально снял международно-правовые обязательства, связанные с Протоколом № 6¹⁶, однако мораторий сохраняется, что свидетельствует о приверженности гуманистическим принципам.

Ссылки на опыт США, где смертная казнь предусмотрена на федеральном уровне, не учитывают того факта, что в самих Штатах она постепенно отмирает: многие штаты отказываются от нее, а число приговоров неуклонно снижается. Более того, в штатах, сохраняющих смертную казнь, она применяется крайне редко из-за сложности и длительности апелляционных процедур.

Альтернативные подходы:

пожизненное заключение и превенция

В качестве наиболее распространенной и морально приемлемой замены казни в мировой практике фигурирует пожизненное лишение свободы без возможности условно-досрочного выхода. По мнению Р.Г. Назарзоды, этот вид санкции позволяет с высокой степенью надежности исключить злоумышленника из социума, обеспечить общественную безопасность и, что критически важно, полностью нивелировать вероятность невозможной судебной оплошности¹⁷.

В российском законодательстве за терроризм предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы, и судебная практика демонстрирует тенденцию к назначению максимальных сроков. Например, организаторы терактов в московском метро (2010 г.) и аэропорту Домодедово (2011 г.) были приговорены к пожизненному заключению.

Приверженцы сохранения казни, как отмечает Д.А. Пресняков, призывают к экономии

¹² Маслов В.А. Указ. соч.

¹³ Чучаев А.И., Коробеев А.И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 2. С. 119–133.

¹⁴ Каюмарс Л. Пакты о правах человека и развитие международных отношений со времени их принятия // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы Пятой Международной научно-практической конференции (Душанбе, 27 апреля 2018 г.). Душанбе: РТСУ, 2018. С. 656–660.

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ URL: <https://docs.cntd.ru/document/901868011?ysclid=muwgerptvw88786726> (дата обращения: 06.10.2026).

¹⁷ Назарзода Р.Г. Пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы Пятой Международной научно-практической конференции (Душанбе, 27 апреля 2018 г.). Душанбе: РТСУ, 2018. С. 532–536.

ческой целесообразности, ибо содержание осужденных до конца дней ложится тяжелым грузом на казну. Однако расчеты демонстрируют, что издержки на многократные апелляции и особый режим содержания приговоренных к смерти значительно превосходят расходы на пожизненное пребывание в исправительном учреждении. Кроме того, многолетнее ожидание приведения вердикта в исполнение в режиме строгой изоляции порождает так называемый синдром камеры смертников (Death Row Phenomenon) — тяжелейшие психические деформации, что само по себе квалифицируется как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение¹⁸.

По нашему мнению, помимо репрессивных мер, эффективная борьба с терроризмом немыслима без системной превентивной работы: программ дерадикализации, мониторинга интернета, международного сотрудничества в рамках Интерпола и ООН. Государство, полагающееся исключительно на казни, проигрывает «войну идей», создавая мучеников и не устраняя социальные, экономические и политические корни терроризма.

Особенности применения смертной казни в Китае и исламских странах

Обзор иностранного опыта был бы неполон без обращения к реалиям Китая и стран Ближнего Востока. Как подчеркивает П.В. Трошинский¹⁹, Поднебесная проводит линию на «сокращение казней и осторожный подход к убийству», последовательно урезая перечень составов, за которые грозит расстрел (с 68 до 46 в 2015 г.). Фактическое число приведенных в исполнение приговоров минимизируется за счет уже упомянутого института отсрочки: на протяжении двух лет осужденный имеет шанс продемонстрировать исправление, в результате чего санк-

ция конвертируется в бессрочное заточение. Однако тотальная непрозрачность судебной вертикали и поступающие в большом количестве сообщения о попрании прав этнических групп, в особенности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, являются объектами жесткой критики со стороны международных структур.

В Иране и Ираке казни за террористическую деятельность применяются в широких масштабах, но, как указывают специалисты, это часто сопровождается вопиющими нарушениями процессуальных норм: отсутствием адвокатской поддержки, выбиванием признаний с применением насилия, проведением слушаний в закрытом режиме. Все это низводит высшую меру до статуса механизма политических репрессий, не имеющего отношения к подлинному правосудию²⁰.

Выводы

Осуществленное исследование мирового опыта позволяет сформулировать ряд принципиальных обобщений.

Прежде всего, в научной среде отсутствуют сколь-либо надежные подтверждения того, что смертная казнь обладает свойством останавливать террористов. Изыскания, проведенные в США, Пакистане, Индонезии и иных государствах, не фиксируют какого-либо профилактического воздействия. Напротив, экзекуции способствуют героизации казненных, формируя культ «мучеников» и тем самым подпитывая эскалацию насильственных действий.

Во-вторых, механизм вынесения смертных приговоров неразрывно сопряжен с систематическим неравенством. Расовые перекосы в американской юстиции, кастово-классовое неравенство в судах Индии и Нигерии со всей очевидностью демонстрируют, что исключительная санкция выступает не столько орудием возмездия, сколь-

¹⁸ Пресняков Д.А. Указ. соч.

¹⁹ Трошинский П.В. Современное законодательство КНР: проблемы и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 24–31.

²⁰ Кочои С.М., Хасан Х.А. Борьба с терроризмом в Ираке: законодательство и практика // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 94–102.

ко инструментом общественного и властного контроля.

В-третьих, невозможность отмены приведенного в исполнение наказания делает его этически недопустимым в контексте несовершенства человеческого правосудия.

Пожизненное заключение без права на освобождение выступает в качестве гуманитарно выверенной и функциональной альтернативы, позволяющей надежно изъять преступника из социума, обеспечить

безопасность сограждан и исключить фатальный риск неисправимой ошибки. Подлинная борьба с террористической угрозой требует не вульгарного сведения уголовной политики к ветхозаветному талиону, а методичной деятельности по устранению питательной среды радикализации и развитию международной кооперации. Смертная казнь — это опасная иллюзия легкого решения проблемы, от которой цивилизованное сообщество шаг за шагом отрывается.

Литература

1. Каюмарс Л. Пакты о правах человека и развитие международных отношений со времени их принятия / Л. Каюмарс // Актуальные вопросы юриспруденции : материалы Пятой Международной научно-практической конференции (Душанбе, 27 апреля 2018 г.). Душанбе : РТСУ, 2018. С. 656–660.
2. Кочои С.М. Борьба с терроризмом в Ираке: законодательство и практика / С.М. Кочои, Х.А. Хасан // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 94–102. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).94-102
3. Максимукова Е.Д. Смертная казнь как вид уголовного наказания: за и против / Е.Д. Максимукова, Д.Ю. Камышанский // Юрист спешит на помощь. 2025. № 4. С. 34–37.
4. Маслов В.А. О зарубежной практике применения смертной казни и химической кастрации как мер уголовно-правового воздействия / В.А. Маслов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 709–736. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-709-736
5. Назарзода Р.Г. Пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни / Р.Г. Назарзода // Актуальные вопросы юриспруденции : материалы Пятой Международной научно-практической конференции (Душанбе, 27 апреля 2018 г.). Душанбе : РТСУ, 2018. С. 532–536.
6. Пресняков Д.А. Смертная казнь и ее воздействие на преступность / Д.А. Пресняков // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 12 (39). С. 696–701.
7. Трощинский П.В. Современное законодательство КНР: проблемы и перспективы развития / П.В. Трощинский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 24–31.
8. Фарвазова М.Б. Смертная казнь: мировая практика / М.Б. Фарвазова, Э.Ф. Закирова // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 301–304.
9. Химеденова Д.Н. Смертная казнь как инструмент борьбы с терроризмом: международный опыт и российская практика / Д.Н. Химеденова, М.А. Букалова, Л.М. Галаева // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.2.74435
10. Чучаев А.И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики / А.И. Чучаев, А.И. Коробеев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 2. С. 119–133.
11. Шимонович И. Помощник Генерального секретаря ООН: «Смертная казнь не имеет сдерживающего эффекта для террористов» / И. Шимонович // Центр новостей ООН. 2016.

ОСОБЕННОСТИ СПОНСОРСКОГО договора в спортивной индустрии

ЛЫСИКОВА МАРГАРИТА МИХАЙЛОВНА,

студент Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
rita.lysikova.06@mail.ru

Спорт представляет собой соревновательную деятельность по определенным правилам, которая всегда привлекала множество зрителей¹. Он является одним из мощнейших инструментов для концентрации целевых аудиторий, что открывает широкие возможности в продвижении своего бренда предпринимателями. Н.Л. Пешин отмечал, что «спорт — это большой бизнес, в котором есть профессиональные клубы и лиги, а в России сфера спорта находится под влиянием государства. Главной задачей остается вывод спорта на самофинансирование»². Если в России поддержка спорта остается государственной функцией, то в США

и других зарубежных странах это давно вопрос бизнеса. С появлением профессиональных спортивных лиг, введенных Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта»³ (далее — Федеральный закон № 396-ФЗ), наметилась тенденция к самоокупаемости спорта. Спонсорство как раз выступает альтернативным источником финансирования, способствует развитию отдельных видов спорта и всей индустрии, тем самым пытаясь вывести спорт в экономической сфере из-под полного обеспечения государства.

¹ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : мат. для лексической разработки заимств. слов в рус. лит. речи / сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб. : Изд. книгопродавца В.И. Губинского, 1894. С. 21.

² Пешин Н.Л. «Наша цель — подготовить новое поколение талантливых спортивных менеджеров, в которых остро нуждается наша страна». URL: <https://mba.mgimo.ru/news/peshin-sport> (дата обращения: 05.02.2026).

³ Федеральный закон от 22 ноября 2016 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта» // СЗ.РФ. 2016. № 48. Ст. 6736.

Изначально понятие «спонсорство» было тесно связано с меценатством и благотворительностью, поскольку подразумевало безвозмездное покровительство и поддержку. С развитием коммерции спонсорство обрело свое современное понимание, основанное на взаимовыгодных отношениях спонсора и спонсируемого⁴. Согласно Консолидированному кодексу Международной торговой палаты о практике рекламы и маркетинговых коммуникаций, спонсорство определяется как коммерческое соглашение, в рамках которого спонсор предоставляет финансирование или иную поддержку принимающей стороне для формирования у потребителей устойчивой связи между своим брендом (имиджем, товаром) и конкретным мероприятием. Взамен спонсор получает право на использование этой ассоциации в рекламных целях или извлекает из соглашения иные прямые или косвенные выгоды⁵. Такая трактовка кодекса подчеркивает взаимную выгоду сторон и коммерческую природу отношений. Отличие спонсорства от меценатства заключается именно в их целевой направленности. Меценатство — это прежде всего акт бескорыстной помощи, продиктованный социальной ответственностью и желанием поддержать и не налагающий на получателя ответных обязательств. Спонсорство же является частью маркетинговой стратегии, его главная цель — получить конкретную отдачу в виде рекламного эффекта, роста узнаваемости бренда или доступа к целевой аудитории⁶. На это же указывает и определение объекта спонсорства — «спонсорской рекламы» — в Феде-

ральном законе от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»⁷ (далее — Федеральный закон № 38-ФЗ), где говорится, что такая реклама распространяется с обязательным упоминанием спонсора. Таким образом, отношения спонсорства имеют взаимный экономический интерес спонсора и спортивной организации, отличающий их от отношений благотворительности.

Цели спонсорства в спорте носят двусторонний характер, вытекающий из его правовой природы. Для спонсоров оно служит комплексным маркетинговым инструментом, направленным на достижение ряда стратегических задач. Прежде всего, это прямое повышение узнаваемости бренда за счет публичного упоминания и демонстрации логотипов на мероприятиях с широкой аудиторией⁸. Однако спонсорство выходит за рамки простой рекламы. Оно предполагает оказание денежной и иной поддержки (информационной, организационной) для нужд организации в проведении мероприятий, реализации социально значимых проектов, установлении партнерских отношений со спонсируемым лицом для достижения общих целей. Спонсорство позволяет целенаправленно формировать имидж, ассоциируя компанию с ценностями поддерживаемого проекта — например, здоровым образом жизни⁹. Более глубокая задача спонсорства — закрепление в сознании потребителей устойчивой связи между брендом и определенной сферой, что способствует долгосрочному позиционированию. Для спонсируемого в лице субъекта спортивной индустрии спонсорство служит ключевым инструментом для решения комплекса задач. Прежде всего, оно предоставляет необходимое внебюджетное финансирование, позволяющее покрывать операционные

⁴ Щетинина Е.А., Мурмыло Ю.Д. Спонсорство: эффективный инструмент маркетинговой коммуникации или осознанная социальная практика? // Экономический вектор. 2020. № 2 (21). С. 9–11.

⁵ ICC Advertising and Marketing Communications Code. URL: [http://www.iccwbo.org/Advocacy-Codes-and-Rules/Document-centre/2011/Advertising-and-Marketing-Communication-Practice-\(Consolidated-ICC-Code\)/](http://www.iccwbo.org/Advocacy-Codes-and-Rules/Document-centre/2011/Advertising-and-Marketing-Communication-Practice-(Consolidated-ICC-Code)/) (дата обращения: 10.02.2026).

⁶ Измайлова Е.В. Правовое регулирование спонсорской деятельности // Законодательство. 2016. № 8. С. 13.

⁷ Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁸ Векслер А.Ф., Тульчинский Г.В. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. М., 2006. С. 88.

⁹ Измайлова Е.В. Указ. соч. С. 13.

расходы, развивать инфраструктуру и обеспечивать команды современным оборудованием и экипировкой. Эта поддержка создает материальную основу для организации более масштабных и зрелищных мероприятий. Спонсор также может помогать с организацией, предоставлять площадку и рабочую силу для устройства спортивного события. Это позволяет получить спортивной организации комплексную поддержку своего проекта¹⁰. Помимо прямой финансовой и технической помощи, сотрудничество с известными спонсорами существенно повышает престиж и статус спортивной организации, укрепляя ее репутацию и доверие к ней в профессиональной среде и среди болельщиков¹¹.

При недостаточной государственной поддержке спонсорство служит основным источником финансирования и, по сути, жизненной силой для организации мероприятий и развития спорта в целом. Стабильная поддержка спонсоров обеспечивает рост профессионализма в различных спортивных дисциплинах. Кроме того, спонсорство способствует популяризации спорта, делая его более доступным и открытым. Оно также представляет собой взаимовыгодную связь маркетинговых стратегий бизнеса и финансовых потребностей спорта, которая находит свое оформление в правовой конструкции спонсорского договора.

С точки зрения правовой сущности этот договор можно охарактеризовать как консенсуальный, двусторонне обязывающий и возмездный. В качестве субъектов спонсорского договора выступают спонсор и спонсируемый. По сути, между ними возникают отношения рекламодателя и рекламодателя. В соответствии со ст. 3

Федерального закона № 38-ФЗ спонсором признается лицо, которое предоставило или обеспечило предоставление средств для организации и (или) проведения мероприятий (спортивных, культурных и иных), создания и (или) трансляции теле- или радиопередачи, а также создания и (или) использования другого результата творческой деятельности. Спонсор выступает важнейшим участником в развитии спортивной сферы и формировании рекламных коммуникаций. Его роль заключается в финансировании физкультурно-спортивных проектов и организации мероприятий¹². На практике спонсором признается лицо, не только оказывающее помощь в обмен на распространение информации о себе, но и предоставляющее ее безвозмездно, т.е. не рассчитывающее на упоминание своего имени. Следовательно, на деле спонсорство не связано исключительно с рекламой. Если спонсор не нуждается в рекламных услугах, то спонсорство превращается в обычную благотворительность. При этом единственный критерий для признания помощи спонсорской — предоставление средств (выполнение работ, оказание услуг) для определенных мероприятий.

Для обеспечения гибкости и защиты интересов спонсора в договоре закрепляется комплекс специальных прав. В частности, спонсор может получить право организовывать поставки продукции для спонсируемого через закупку у третьих лиц или с привлечением субподрядчиков. Особое значение имеет право на коммерческое использование символики спонсируемого, например для изготовления и продажи копий спортивных товаров с его эмблемами, что обычно сопровождается условием о выплате роялти. Помимо этого, соглашение может предусматривать расширение сотрудничества за счет дополнительных взаимных обяза-

¹⁰ Oral T. Sport sponsorship contracts // Juridical Tribune — Review of Comparative and International Law (Bucharest University of Economic Studies). 2018. Vol. 8. Iss. 3 (December). URL: <https://tribunajuridica.eu/arhiva/An8v3/21.%20Tugce%20Oral.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

¹¹ Алексеев С.В. Спортивное право: договорные отношения в спорте : учеб. пос. / под ред. С.В. Алексеева. М. : Издательство «Юрайт», 2020. С. 85.

¹² Алексеев С.В. Указ. соч. С. 94.

тельств, например учреждения стипендий для спортсменов или премий для тренеров¹³.

Правам спонсора корреспондируют обязанности, центральной из которых является выплата спонсорского взноса. Особо может оговариваться специальный взнос в год проведения крупнейших событий, таких как Олимпийские игры, если спонсируемый в них участвует. Помимо основного взноса, соглашение может предусматривать дополнительные премиальные выплаты за выдающиеся достижения спонсируемого¹⁴. Важным обязательством часто выступает поставка товаров или услуг — как дополнение к денежным выплатам, а иногда и как их полная замена. В этом случае в договоре подробно прописываются качественные и количественные характеристики продукции, сроки и порядок поставки. В качестве отдельного условия может быть закреплена обязанность спонсора согласовывать дизайн поставляемых товаров со спонсируемым и др.¹⁵

Система спортивного спонсорства строится на четкой иерархии, где каждая категория определяется объемом инвестиций и набором предоставляемых прав. Высшую ступень занимает генеральный спонсор, который покрывает около половины бюджета, обладает максимальным пакетом рекламных опций и прямым влиянием на деятельность спонсируемой организации¹⁶. Например, компания «Газпром» является генеральным спонсором футбольного клуба «Зенит». Эта связь зрительно закреплена размещением названия компании на форме игроков, что формирует у фанатов устойчивую ассоциацию клуба со спонсором. Следом идет титульный спонсор, чей вклад также составляет порядка 50%, но чьи ключевые привилегии заключаются в праве дать мероприятию

свое имя и в эксклюзивном размещении логотипа на форме участников, без вмешательства в управленческие процессы. Официальные спонсоры, которых может быть несколько, инвестируют менее 25% бюджета каждый и получают пропорционально уменьшенный пакет возможностей. Отдельную категорию составляют информационные спонсоры, чаще всего медиахолдинги, оказывающие поддержку не денежными средствами, а рекламными площадями и освещением в СМИ. Например, российское спортивное интернет-издание «Спортс»¹⁷ часто выступает информационным спонсором марафонов, любительских лиг или даже крупных коммерческих турниров. Существует еще категория технического спонсора, который предоставляет спонсируемому продукцию на период спортивных состязаний. Демонстрируя свою продукцию, бренд продвигает себя среди профильной аудитории.

В договорах о спортивном спонсорстве спонсируемой стороной является физическое или юридическое лицо, нуждающееся в финансовой или иной поддержке для проведения спортивной деятельности или организации спортивного мероприятия. Это могут быть спортсмен, тренер, спортивная команда, клуб, федерация или организация¹⁸. Согласно статье 20 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 329-ФЗ)¹⁹ права на размещение рекламы товаров, работ и услуг в месте проведения соревнования принадлежат исключительно организаторам такого соревнования. Следовательно, можно сказать, что именно организаторы мероприятий выступают спонсируемыми субъектами, которые могут заключать

¹³ Сварчевский К.Г., Горбатова Е.Д. Тенденции развития и основные положения о спортивном праве. Спонсорский договор в спорте: понятие, элементы, применение // Образование и право. 2024. № 3. С. 12.

¹⁴ Oral T. Op. cit.

¹⁵ Алексеев С.В. Указ. соч. С. 95.

¹⁶ Измайлова Е.В. Указ. соч. С. 16.

¹⁷ Интернет-издание «Спортс». URL: <https://www.sports.ru/> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁸ Oral T. Op. cit.

¹⁹ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

договоры о спонсорской рекламе, поставке товаров и экипировки.

Главным организатором спортивных мероприятий является спортивная федерация, которая в соответствии с российским законодательством выступает некоммерческой организацией, которая создана в форме общественной организации и основными задачами которой являются развитие спорта, подготовка сборных команд, организация соревнований. Согласно статье 16 Федерального закона № 329-ФЗ общероссийские спортивные федерации имеют право организовывать и проводить чемпионаты, первенства и кубки России, разрабатывать и утверждать положения о таких соревнованиях. Осуществляя эту деятельность, федерация получает финансовую и иную поддержку, которая предоставляется для развития видов спорта. Так, например, в «Правилах вида спорта «Лыжные гонки»» (утв. приказом Минспорта России от 5 декабря 2022 г. № 1130)²⁰, разработанных Общероссийской спортивной федерацией по виду спорта «лыжные гонки», указано, что спортивная федерация и ее региональные отделения имеют право на заключение договоров с организациями любой формы собственности о спонсорстве, обеспечении товарами или снаряжением, если эта организация будет признана официальным спонсором или партнером.

Спортивная федерация — организация, для которой извлечение прибыли не является основной уставной целью. Это накладывает серьезные ограничения на ее прямую коммерческую деятельность, включая спонсорство. Спортивные клубы и лиги могут быть как некоммерческими организациями, так и коммерческими. В основном их цель — системное проведение коммерческих соревнований (чемпионатов, кубков) и извлече-

ние прибыли. Именно поэтому спортивная федерация через договоры о делегировании прав на проведение спортивных соревнований поручает организацию соревнований профессиональным спортивным лигам и клубам, которые действуют как коммерческие предприятия. Согласно статье 19.2 Федерального закона № 396-ФЗ профессиональная спортивная лига получает право проводить официальные всероссийские профессиональные спортивные соревнования с согласия общероссийской спортивной федерации по соответствующему виду спорта. Это позволяет разделить роли — федерация фокусируется на регулировании: утверждает календарь, систему соревнований, регламент, правила, проводит лицензирование клубов и атлетов, в то время как лиги и клубы, обладая необходимой гибкостью и рыночной ориентацией, эффективно извлекают доход от организации спортивных событий благодаря продаже билетов, прав на телетрансляции и спонсорству. В результате спортивная федерация, получая стабильные взносы, минимизирует свои финансовые риски, а спортивная дисциплина в целом развивается за счет профессионального коммерческого управления. Например, Российский футбольный союз делегирует организацию чемпионата России по футболу Российской премьер-лиге (РПЛ) — коммерческой лиге, которая занимается продажей прав и заключением спонсорских соглашений.

Спортивные лиги бывают двух типов: закрытого и открытого. Закрытые спортивные лиги, такие как североамериканские НХЛ, НФЛ, НБА или российские КХЛ и Единая лига ВТБ, функционируют по принципу фиксированного состава участников. Такие лиги самодостаточны и изолированы от других лиг. Их основная логика — внутреннее развитие и постоянное повышение качества собственного продукта (чемпионата) совместно всеми клубами-учредителями. Такие лиги самостоятельно определяют ре-

²⁰ Правила вида спорта «Лыжные гонки» (утв. приказом Минспорта России от 05.12.2022 № 1130) // СПС «Консультант-Плюс».

гламент и правила заключения спонсорских договоров независимо от федерации²¹. Открытые спортивные лиги, такие как национальные чемпионаты по футболу, волейболу, основаны на принципе спортивного результата и образуют единую иерархическую систему с лигами более высокого и низкого ранга. Они строго подчиняются регламентам федерации²².

Спонсорство спортивного клуба и спонсорство целой лиги — это две разные стратегии. В первом случае бренд работает на конкретную аудиторию команды, его успех зависит от результатов клуба, что несет определенные риски. Во втором — договор заключается с организатором турнира, что дает доступ ко всей зрительской базе чемпионата: болельщикам всех клубов, нейтральным зрителям и журналистам. Бренд ассоциируется с престижем соревнования в целом. С коммерческой точки зрения клубы, особенно в открытых лигах, часто ведут независимую политику, где команды могут продавать свои спонсорские пакеты дорожке лиги благодаря огромной личной аудитории, тогда как лиги, особенно закрытого типа, обычно практикуют централизованную продажу прав²³.

В договоре спонсорства для защищенности спонсируемой стороны фиксируются следующие права: право на заключение иных спонсорских соглашений в период действия договора, если это прямо не запрещено; право окончательного утверждения дизайна поставляемой спонсором продукции, прежде всего спортивной экипировки; право на одностороннее расторжение договора в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств со стороны спонсора. На спонсируемого возлагается комплекс обязательств, направленных

на продвижение бренда и продукции спонсора: обязательство по информационному освещению факта сотрудничества через официальные заявления, СМИ и публичные мероприятия; эксклюзивное использование товаров спонсора в тренировочном, соревновательном процессе с обязательным видимым размещением его товарных знаков²⁴. В Регламенте чемпионата Единой молодежной лиги ВТБ сезона 2025–2026 годов²⁵ закреплено, что лиге принадлежит право привлекать спонсоров, а также резервировать любые товарные знаки с целью обеспечения эксклюзивности привлеченных спонсоров. Лига согласовывает товарные категории, места размещения и внешний вид рекламных материалов спонсоров, а также присваивает официальные статусы и титулы спонсорам. При проведении чемпионата Лига обеспечивает размещение информации о спонсорах в соответствии с требованиями регламента.

В случае спонсорской поддержки спортсменов помощь оказывается не под конкретное мероприятие, а охватывает всю его деятельность в целом. Спортсмен получает финансирование, а взамен выполняет коммуникативные задачи, главная из которых — передача имиджа спонсора, например через логотипы на форме. Аналогично формируются спонсорские соглашения и с тренерами²⁶.

Многообразие субъектов порождает множество вариантов спонсорских договоров. Эта вариативность возникает из-за принципиального различия в целях, ресурсах и правовом статусе участников и приводит к существованию нескольких моделей спонсорского договора. Отсутствие в Гражданском кодексе Российской Федерации²⁷ (далее — ГК РФ) отдельной статьи о спонсорском до-

²¹ Szymanski S. Economics of League Design: Open Versus Closed Systems // The Oxford Handbook of Sports Economics. Vol. 1: The Economics of Sports / edited by L.H. Kahane, S. Shmanske. New York : Oxford University Press, 2012. P. 3–17.

²² Ibid.

²³ Oral T. Op. cit.

²⁴ Сварчевский К.Г., Горбатова Е.Д. Указ. соч. С. 14.

²⁵ Регламент чемпионата Единой молодежной лиги ВТБ сезона 2025–2026 годов. URL: <https://vtbyouth-league.com/> (дата обращения: 23.01.2026).

²⁶ Oral T. Op. cit.

²⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

говоре приводит к необходимости его подведения под известные закону конструкции, из-за чего на практике сложилось три основных подхода.

1. Спонсорский договор в виде договора на осуществление безвозмездной благотворительной деятельности (пожертвования)

Ключевая особенность российского правового регулирования спонсорства заключается в допустимости безвозмездного характера поддержки, когда спонсор не требует встречного предоставления информации о себе. В этом случае передача средств или имущества подлежит квалификации как иное обязательство, например пожертвование²⁸. При данной квалификации договор будет регулироваться ст. 582 ГК РФ, а также Федеральным законом от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее — Федеральный закон № 135-ФЗ)²⁹. Пожертвование определяется как особая разновидность дарения, при котором вещь или право передаются безвозмездно, но не в личных, а в общепользовательных целях. Спонсорская помощь может быть квалифицирована как благотворительность лишь в том случае, если строго соответствует целям, перечисленным в ст. 2 Федерального закона № 135-ФЗ, относительно спорта должна быть нацелена на содействие деятельности в области физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), участие в организации и проведении физкультурных и спортивных мероприятий в форме безвозмездного выполнения работ и оказания услуг. В отличие от благотворительности, где отсутствует встречное предоставление, профессиональный спорт стремится к самоокупаемости и за счет собственных доходов поддержи-

вает развитие спорта высших достижений. Попытка замаскировать спонсорские отношения в профессиональном спорте под пожертвование будет признана притворной сделкой.

По спонсорскому договору спонсор (жертвователю) передает имущество спонсируемому (одаряемому) в общепользовательных целях (например, развитие детско-юношеского спорта или поддержка параолимпийского движения). Обязанность же спонсируемой стороны по оказанию рекламных услуг выражается слабо (например, лишь размещение логотипа в разделе «благотворители» на сайте)³⁰. Спонсорское пожертвование может быть целевым и нецелевым. Целевое финансирование представляет собой выделение денежных средств на строго определенные цели (реализация отдельного проекта или направления)³¹. Целевые обязательства закрепляются обычно в Положении о порядке привлечения и расходования дополнительных финансовых средств за счет добровольных пожертвований и целевых взносов физических и (или) юридических лиц. Целевые пожертвования в спортивных учреждениях привлекаются для обеспечения уставной деятельности, укрепления материально-технической базы и поддержания тренировочного процесса, организации и проведения спортивных мероприятий. Принципиальная особенность целевого пожертвования заключается в том, что компания-спонсор сохраняет за собой право осуществлять детальный контроль с помощью отчетов над распределением и целевым использованием выделенных средств. Нарушение целевого назначения без соблюдения этого порядка дает право жертвователю требовать отмены пожертвования (п. 5 ст. 582 ГК РФ). Нецелевое пожертвование — это взнос, при котором жертвователю не устанавливаются конкретные условия его исполь-

²⁸ Коломиец Н.Н. Правовое регулирование спонсорской деятельности в сфере профессионального спорта в РФ // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 288–290.

²⁹ Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

³⁰ Алексеев С.В. Указ. соч. С. 121.

³¹ Надольная А.В. Особенности договора пожертвования // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 227.

зования. В отличие от целевого финансирования, такое пожертвование не ограничивается рамками определенного проекта или статьи расходов. Организация-получатель имеет право самостоятельно и по своему усмотрению направить полученные средства на любые нужды, соответствующие ее уставной деятельности.

Договор пожертвования накладывает существенные сложности для сторон, поскольку не может быть заключен между двумя коммерческими организациями (п. 4 ст. 575 ГК РФ). Этот запрет, изначально призванный предотвращать налоговые злоупотребления и имитацию благотворительности в предпринимательской среде, формирует серьезный правовой барьер в отношениях между профессиональными спортивными клубами и их потенциальными спонсорами, большинство из которых являются коммерческими структурами. Во-первых, спортивные клубы, организованные в ООО или АО, вынуждены трансформировать даже безвозмездную по своей сути поддержку в возмездные договоры оказания услуг. Во-вторых, возникают прямые финансовые потери: в отличие от пожертвования некоммерческой организации, где безвозмездно переданное имущество и расходы, связанные с такой передачей, не учитываются в целях налогообложения в соответствии с п. 16 ст. 270 Налогового кодекса Российской Федерации³² (далее — НК РФ), средства, полученные по спонсорскому договору, облагаются налогом на прибыль, уменьшая эффективность привлеченных ресурсов. В-третьих, резко возрастает административная нагрузка из-за необходимости детального описания встречных обязательств, отчетности и оценки исполнения договора. Создается дисбаланс: клубы — некоммерческие организации получают налоговые и административные преимущества, тогда как коммерческие клубы, составляющие большинство, оказы-

ваются в заведомо невыгодных условиях. Особенно это критично для региональных команд и менее популярных видов спорта, которые существуют на грани самоокупаемости и остро нуждаются в упрощенных механизмах привлечения помощи от бизнеса³³.

Если обратиться к судебной практике, то можно заметить, что спонсорскую помощь в виде пожертвования часто оспаривают. Так, в Решении Арбитражного суда Санкт-Петербурга от 7 августа 2020 г. по делу № А56-63066/2019 суд не согласился с доводами истца о признании договора о предоставлении спонсорской помощи между ООО «Капитал стройиндустрия» и ООО «Футбольный клуб “Сочи”» недействительным из-за притворности факта дарения. Суд отметил, что договор не является дарением, поскольку носит возмездный характер. По условиям договоров ООО «Капитал стройиндустрия» (спонсор) финансирует клуб, а клуб (организатор) взамен распространяет информацию о спонсоре. Факт оказания рекламных услуг был подтвержден актами и отчетами клуба³⁴.

2. Спонсорский договор в виде договора возмездного оказания услуг

Многие авторы рассматривают спонсорство как частный вид рекламы³⁵. Рассмотрение спонсорского договора в качестве договора возмездного оказания рекламных услуг закреплено в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1998 г. № 37 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о рекламе»³⁶. Это наиболее распространенная квалифи-

³² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

³³ Алмазова Е. Опять мимо: почему НКО в сфере физкультуры и спорта остаются без господдержки. URL: <https://asi.org.ru/2020/07/29/gospodderzhka-nko-v-sfere-sporta/> (дата обращения: 16.02.2026).

³⁴ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга от 7 августа 2020 г. по делу № А56-63066/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TKTz942S5xVX/> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁵ Алексеев С.В. Указ. соч. С. 90.

³⁶ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1998 г. № 37 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о рекламе» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 2.

кация для коммерческого спонсорства, так как обязывает обе стороны договора и предоставляет четкие юридические гарантии для спонсора.

Предметом договора на оказание рекламных услуг является совершение исполнителем конкретных действий по размещению рекламы: фиксируются ее вид, место и период демонстрации, а также стоимость, порядок расчетов, ответственность сторон и процедура приемки результатов. В отличие от этого, спонсорский договор имеет иную конструкцию: спонсор обязуется перечислить согласованную сумму или обеспечить имуществом в период проведения спортивного мероприятия, а принимающая сторона (спортивная организация) обязана распространить информацию о спонсоре во время соревнований³⁷. Встречным предоставлением со стороны спонсируемого выступает не просто упоминание, а комплекс услуг рекламного характера: размещение логотипа/наименования спонсора на спортивной форме, инвентаре, объектах; предоставление рекламной информации на сайте; проведение совместных акций и др. Так, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 5 июля 2024 г. № Ф02-2969/2024 по делу № А19-3843/2023 рассматривался спор, возникший в связи с отменой чемпионата из-за пандемии COVID-19. ООО «Евросибэнерго-Гидрогенерация» потребовало взыскать с Общественной организации «Федерация хоккея с мячом Иркутской области» всю перечисленную спонсорскую сумму, полагая, что встречного предоставления не последовало. Однако суд установил, что переданные средства являлись целевым взносом на организацию и проведение чемпионата в целом, а не платой за конкретные рекламные услуги. Требование было удовлетворено ча-

стично, поскольку в договоре не была согласована стоимость каждой отдельной услуги, за исключением стоимости проведения матча. При этом суд указал, что, несмотря на отмену чемпионата, положительный экономический эффект для заказчика считается наступившим, так как на протяжении всего периода подготовки к чемпионату (вплоть до решения о его отмене) услуги по договору фактически оказывались³⁸. Этот случай показывает, что спонсорский договор выходит за рамки простой рекламы.

Спонсорство нацелено в первую очередь на проведение события, а не на распространение рекламы, поэтому спонсор обычно не управляет рекламной кампанией напрямую³⁹. Тем не менее, в зависимости от спонсорского пакета, который закреплен за спонсором в договоре, он наделяется соответствующими преимуществами. Спонсорский договор не подразумевает рекламирование предметов или услуг, рекламируется исключительно сам спонсор. По исполнению договора сторонами должен подписываться акт выполненных работ (оказанных услуг) и производиться расчет согласно установленным обязательствам. Спонсор вправе требовать надлежащего оказания оговоренных рекламных услуг, а спонсируемый обязан оказать услуги в соответствии с договором под угрозой взыскания убытков и неустойки. В спонсорском договоре спонсор может также установить целевое требование о расходовании предоставленных средств⁴⁰.

³⁸ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 5 июля 2024 г. № Ф02-2969/2024 по делу № А19-3843/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9319e272-ce7e-4624-a349-2079c9bd80cc> (дата обращения: 05.03.2026).

³⁹ Jagodic T., Mate a Z. Basic elements of a sponsorship contract in sport // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 2018. Vol. 55. Iss. 2. S. 277.

⁴⁰ Кокоскир Д.А. Правовое регулирование рекламы и спонсорства в сфере физической культуры и спорта // Мировая изоляция России: проблемы и перспективы развития спортивного права и менеджмента : сб. ст. участников Междунар. науч. студ. конф. (Москва, 3 апреля 2019 г.) / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2019. С. 75.

³⁷ Чаплыгина Я.В. Гражданско-правовая сущность возмездного оказания услуг // Современное право России: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. / под ред. А.А. Иванова. М. : Юрист, 2020. С. 114.

Квалификация спонсорского договора как договора возмездного оказания услуг влияет на налогообложение. У спонсируемого возникают доходы от реализации услуг, облагаемые налогом на прибыль или НДФЛ для спортсмена (за исключением операций, указанных в ст. 149 НК РФ). Кроме того, к спонсорскому договору применяются нормы общих положений об ответственности за нарушение обязательств. Это дает спонсору (заказчику) право требовать возмещения убытков, если спортивная организация (исполнитель) не выполнила свои обязанности, что создает предсказуемый механизм защиты коммерческого интереса спонсора.

Основным недостатком такой квалификации является несовпадение объекта договора. Как справедливо указывает Я.В. Чаплыгина, услуга как объект гражданских прав ценна сама по себе как деятельность или ее результат⁴¹. В спонсорстве же интерес спонсора направлен не на саму спортивную деятельность, а на тот имиджевый и рекламный эффект, который эта деятельность производит. В науке спортивного права подчеркивается, что спонсорство в спорте высших достижений часто носит инвестиционный характер⁴². Спонсор рассчитывает на длительное сотрудничество и рост капитализации бренда, а не на разовую «услугу» по размещению логотипа. Это делает такой договор более похожим на инвестиционный контракт, нежели на договор возмездного оказания услуг, рассчитанный на разовый и четко определенный результат.

3. Непоименованный тип (смешанный договор)

Согласно статье 421 ГК РФ, стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в сме-

шанном договоре (п. 3 ст. 421 ГК РФ). Сведение спонсорского договора к услугам часто не учитывает его комплексный характер. Некоторые авторы рассматривают спонсорский договор именно как смешанный, в котором стороны отражают условия о безвозмездной передаче средств на конкретные общепользные цели (элемент пожертвования) и об оказании спонсируемым определенного объема рекламных услуг за часть предоставленных средств (элемент возмездного оказания услуг). Договор об оказании спонсорской помощи может содержать элементы не только услуг по распространению рекламы, но и, например, агентского договора (поиск контрагентов), договора подряда (производство формы спортивной организацией с логотипом спонсора), договора аренды (предоставление мест на стадионе для спонсорской зоны) или лицензионного договора (использование товарного знака клуба в рекламе спонсора). Так, в Постановлении ФАС Московского округа от 26 сентября 2012 г. разрешался спор о квалификации договора спонсорской помощи. Суды нижестоящих инстанций расценили договор, заключенный между ООО «Футбольный клуб «Сибирь»» и ОАО «Подийум», как возмездное оказание услуг. Поскольку клуб не представил доказательств фактического выполнения услуг (в частности, актов об оказании услуг), суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требование о взыскании неосновательного обогащения. Однако суд кассационной инстанции отменил принятые судебные акты и квалифицировал договор спонсорской помощи как смешанный, содержащий элементы возмездного оказания услуг (по распространению рекламы) и элементы пожертвования, так как денежные средства передавались в том числе «для реализации уставных целей и задач» футбольного клуба (содействие спорту). Следовательно, часть переданных средств (или вся сумма) подпадала под действие п. 4 ст. 1109 ГК РФ, который исключает возврат

⁴¹ Чаплыгина Я.В. Указ. соч. С. 117.

⁴² Сварчевский К.Г., Горбатова Е.Д. Указ. соч. С. 12.

денежных средств, переданных в благотворительных целях, в качестве неосновательного обогащения⁴³. Этот пример показывает главную проблему смешанного договора — его неопределенность. Налоговые органы и суды могут по-разному квалифицировать такую сделку, выделив в ней преобладающую цель.

Принудительное ограничение спонсорского договора в рамки одной гл. 39 ГК РФ обедняет его правовое содержание и может привести к тому, что отдельные условия будут признаны недействительными. Наиболее точно юридической природе этого института, сочетающего элементы рекламной услуги, пожертвования, партнерства, соответствует подход, рассматривающий его как смешанный договор.

Часть авторов вовсе настаивают на самостоятельной природе договора спонсорства, не подпадающего ни под один из типов, указанных в законе, а потому не являющегося смешанным. Е.В. Измайлова доказывает тезис о том, что спонсорский контракт не может сводиться к договору об оказании рекламных услуг, а «квалификация его в качестве смешанного договора является абсурдной»⁴⁴. Договоры спортивного спонсорства следует классифицировать как договоры *sui generis*, даже если они содержат некоторые права или обязательства, характер-

ные для поименованных договоров⁴⁵. Гибкое регулирование непоименованных договоров позволяет оформлять спонсорские соглашения как единую сделку, без необходимости искусственного разделения их на несколько видов обязательств. Такая квалификация позволяет избежать жестких императивных рамок, которые могут быть неудобны для конкретного спонсорского проекта. Однако при возникновении споров между сторонами спонсорского соглашения существует риск того, что суд переквалифицирует уникальный спонсорский договор в уже известный законодательству.

Подводя итоги, хочется отметить, что спонсорский договор, выступающий альтернативным способом финансирования спорта, не может быть однозначно квалифицирован в рамках какой-либо одной поименованной конструкции. Квалификация в качестве пожертвования применима лишь в узкой части некоммерческого спорта и противоречит встречному характеру спонсорских обязательств, а сведение договора к возмездному оказанию услуг хотя и обеспечивает предсказуемость в части ответственности и налогообложения, не охватывает всей полноты инвестиционной и имиджевой составляющей спонсорства. Наиболее точно отражающим комплексную природу этих отношений представляется подход, рассматривающий спонсорский договор либо как смешанный, сочетающий элементы различных поименованных типов, либо как самостоятельный непоименованный договор.

⁴³ Постановление ФАС Московского округа от 26 сентября 2012 г. по делу № А40-122135/11-136-706. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a35dd713-69f0-4d26-b8ba-f04b40496275> (дата обращения: 24.02.2026).

⁴⁴ Измайлова Е.В. Указ. соч. С. 20.

⁴⁵ Oral T. Op. cit.

Литература

1. Алексеев С.В. Спортивное право: договорные отношения в спорте : учебное пособие для вузов / С.В. Алексеев, М.О. Буянова, А.В. Чеботарев ; под редакцией С.В. Алексеева. Москва : Юрайт, 2020. 107 с.
2. Векслер А.Ф. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность / А.Ф. Векслер, Г.Л. Тульчинский. Москва : Вершина, 2006. 335 с.

3. Измайлова Е.В. Правовое регулирование спонсорской деятельности / Е.В. Измайлова // Законодательство. 2016. № 8. С. 10–21.
4. Кокоскир Д.А. Правовое регулирование рекламы и спонсорства в сфере физической культуры и спорта / Д.А. Кокоскир // Мировая изоляция России: проблемы и перспективы развития спортивного права и менеджмента : материалы Международной научной студенческой конференции (Москва, 3 апреля 2019 г.) : сборник научных статей / под редакцией М.О. Буяновой, А.В. Чеботарева. Москва, 2019.
5. Коломиец Н.Н. Правовое регулирование спонсорской деятельности в сфере профессионального спорта в РФ / Н.Н. Коломиец // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 288–290.
6. Надольная А.В. Особенности договора пожертвования / А.В. Надольная // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 225–229.
7. Сварчевский К.Г. Тенденции развития и основные положения о спортивном праве. Спонсорский договор в спорте: понятие, элементы, применение / К.Г. Сварчевский, Е.Д. Горбатова // Образование и право. 2024. № 3. С. 421–427.
8. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / составлено под редакцией А.Н. Чудинова. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1894. 989 с.
9. Чаплыгина Я.В. Гражданско-правовая сущность возмездного оказания услуг / Я.В. Чаплыгина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–4 (49). С. 133–136.
10. Щетинина Е.А. Спонсорство: эффективный инструмент маркетинговой коммуникации или осознанная социальная практика? / Е.А. Щетинина, Ю.Д. Мурмыло // Экономический вектор. 2020. № 2 (21). С. 41–46.

References

1. Jagodic, T. Basic elements of a sponsorship contract in sport / T. Jagodic, Z. Mateša // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 2018. T. 55. Iss. 2. S. 275–287.
2. Oral, T. Sport sponsorship contracts / T. Oral // Juridical Tribune — Review of Comparative and International Law. 2018. Vol. 8. Iss. 3. P. 823–834.
3. Szymanski S. Economics of League Design: Open Versus Closed Systems / S. Szymanski // The Oxford Handbook of Sports Economics. Vol. 1: The Economics of Sports / edited by L.H. Kahane, S. Shmanske. New York : Oxford University Press, 2012. P. 3–17.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ института гражданско-правовой ответственности без вины

МЫШЬЯКОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРИЕВИЧ,

ведущий юрисконсульт МП «Горводоканал», соискатель
Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина
myshyakovsv@yandex.ru

Введение

Как следует из пункта 1 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ), лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство, несет гражданско-правовую ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Указанная формулировка устанавливает общее основание ответственности в гражданском праве, известное как принцип вины. Однако, как видно из буквального толкования нормы ст. 401 ГК РФ, изъятия, исключения из принципа вины могут устанавливаться как законом, так и договором между сторонами обязательства. Исходя из этого другим, альтернативным принципом гражданско-правовой ответственности является принцип причинения, обосновывающий ответственность

за простой факт причинения вреда другому лицу: за результат поведения ответственного лица. Принцип причинения лежит в основе так называемой ответственности без вины, позволяющей привлекать к ответственности без наличия субъективной стороны в виде условия о вине. Однако, как думается, субъективный элемент в виде воли на совершение определенных действий все же присутствует и в исследуемом субинституте ответственности без вины, если исходить из определения вины как сознательно-волевого отношения лица к своему поведению и его результатам.

С другой стороны, лицо, действия (бездействие) которого повлекли неблагоприятный результат, привлекается к ответственности без вины не только за сам факт наступления такого вреда и несения иным лицом убытков, но данное поведение безусловно должно содержать в себе волю лица на соответствующие действия (бездействие). Имен-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

но воля и должна быть положена в основание субъективной стороны состава гражданского правонарушения при привлечении к ответственности без вины: проводя аналогию с договорной теорией, можно утверждать, что определенное поведение лица выявляет вольно волю такого лица на несение риска привлечения к ответственности за наступление вреда или убытков у другого лица, если такое поведение прямо или косвенно повлекло за собой увеличение вероятности наступления неблагоприятных последствий. Такое поведение следовало бы называть волеизъявлением такого лица на несение возможной ответственности, если привлечение к ней следует из закона или договора. Любая человеческая цель основана на выборе лицом того или иного варианта поведения², что предполагает наличие у него воли. Следует уточнить, что именно из-за фактора субъективного элемента в ответственности без вины в цивилистике продолжают споры относительно правовой природы ответственности без вины. Большинство ученых придерживаются точки зрения на элемент вины в юридической ответственности как основное условие привлечения к ответственности: мол, раз в ответственности без вины нет элемента вины, то и соответствующее нормативное образование собственно ответственностью не является, а выступает некоей компенсационной обязанностью³ или мерой защиты⁴. Нам представляется, что подобная точка зрения беспочвенна и не имеет под собой серьезных теоретических оснований. Кроме того, что данные случаи юридической ответственности в самом законе называются как

раз таки ответственностью⁵, а не иным способом защиты, отнесение ответственности без вины к мерам юридической ответственности обосновывается еще и генетическим аспектом: так, изначально первым началом юридической ответственности следует считать принцип причинения, по мере развития человеческого общежития принцип причинения стал вытесняться индивидуальным началом вины, что свидетельствует о возобладании начал справедливости в вопросах привлечения правонарушителя к юридической ответственности. С другой стороны, при привлечении к ответственности без вины также используют те же самые условия — вред, убытки, поведение ответственного лица, каузальная связь, — что и при привлечении к ответственности при наличии вины. Компромиссной и небезынтересной по вопросу соотношения мер защиты и мер ответственности представляется точка зрения Хохлова⁶, который исходит из эквивалентности понятий «мера защиты» и «мера ответственности».

Относительно исследуемого принципа причинения и его места в юридической ответственности нельзя не упомянуть и споры, которые велись по вопросу о месте указанного принципа в системе гражданской ответственности в конце XIX — 20-е годы XX веков. Так, известны взгляды Победоносцева К.П., Анненкова К.Н., Оршанского И.Г., Голевинского В.И., отрицавших субъективный элемент при привлечении к ответственности за недозволенные действия, не являющиеся преступлениями или проступками⁷. Напротив, Шершеневич Г.Ф., Мейер Д.И., Тальберг Д.Г., Пирвиц Э.Э.

² См., напр.: Попондопуло В.Ф. Основные аспекты методологии цивилистических исследований // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 13.

³ См.: Кузнецова О.А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // Lex Russica. 2017. № 5 (126). С. 13.

⁴ Напр.: Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных правоотношений. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 892 с.

⁵ Хотя только лишь сам по себе этот факт не может обосновывать природу рассматриваемого института.

⁶ Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: автореф. дис. ... док-ра юрид. наук. Саратов, 1998. 41 с.

⁷ См.: Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. 1. Введение и общая часть. 3-е изд., пересм. и доп. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 703 с.

исходили из приоритета принципа вины⁸. В следующий раз принцип вины был поставлен под вопрос при принятии и действии ГК РСФСР 1922 г.⁹

Указанные споры и разночтения в доктрине о природе ответственности без вины в частности, как в целом и гражданско-правовой ответственности, актуализируют вопрос о методологии исследования указанного института.

Некоторые аспекты цивилистической методологии при исследовании случаев ответственности без вины

Как известно, всякая научная область имеет свой предмет исследования. Объект при этом может быть общим для нескольких отраслей наук, тогда как именно в предмете отрасли научного знания выделяет то специфическое, что и подлежит специальному исследованию с помощью общенаучных, частнонаучных и методов познания. Объект науки представляет собой то, на что направлена познавательная деятельность, некую данность, которая с точки зрения неклассической и постклассической парадигм имманентна субъекту исследования. По мнению И.Л. Честнова, с которым мы полностью солидарны, содержание предмета юридической науки состоит в закономерностях возникновения, функционирования и развития правовых явления¹⁰. Правовые явления, которые изучает цивилистика, с одной стороны, являются правоотношениями между двумя или большим числом, как правило, формально независимых субъектов права, взаимодействующих по своей воле или нет (в случае деликтного обязательства), с целью достижения определенных результатов. Данный аспект с учетом общедозволитель-

ного характера гражданско-правового регулирования формирует возможность диспозитивного регулирования частных правоотношений самими участниками, в том числе в области юридической ответственности в частном праве с помощью установления в договоре в пределах, установленных законом, условий ответственности, а также выражается в возможности потерпевшего отказаться от защиты принадлежащего ему права на возмещение убытков.

С другой стороны, в силу регулирующего характера правовых норм в предмет исследования также включаются и сами нормы, их толкование: грамматическое, системное, историческое. С предметом цивилистики коррелируют и задачи, решаемые наукой частного права при исследовании того или иного правового явления. Так, Г.Ф. Шершеневич справедливо выделял три задачи науки гражданского права: познание правовых явлений, объяснение процесса познания права и оценка правовых норм с точки зрения интересов человека¹¹.

Таким образом, предмет цивилистики, его двойственный характер, выраженный в указанных закономерностях правовых явлений, определяет и используемую методику исследования. Исходя из выявленной особенности предмета гражданско-правовой науки, будет иметь и свое специфическое значение применение общенаучных и частнонаучных методов познания при исследовании правоотношений, складывающихся в сфере привлечения к ответственности без вины.

Специфика применения общенаучных методов познания

В числе общенаучных методов исследования частноправовых явлений чаще всего упоминают диалектический, системный метод, структурно-функциональный метод: к примеру, они чаще всего упоминают-

⁸ Напр.: Ли Ч. Уникальность принципа вины в российском деликтном праве // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 14. № 4. С. 37.

⁹ URL: <https://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13715> (дата обращения: 06.10.2026).

¹⁰ Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования в праве. СПб.: С.-Петербургский юридический институт университета прокуратуры РФ, 2018. С. 37.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского право-ведения. Казань: типолит. Императорского университета, 1898. 46 с.

ся в диссертационных и монографических исследованиях по предмету гражданского права. Диалектика предполагает рассмотрение предмета в его взаимосвязи с другими явлениями и предметами, как находящееся в процессе постоянного изменения и развития, источником которого являются противоречия внутри самого предмета.

При этом, по нашему мнению, для того чтобы предмет исследования цивилистики раскрылся наиболее полно, всеобще и объективно во всех присущих ему внутренних и внешних связях, необходимо применять следующую схему познания: наблюдение (общественные отношения, выражающиеся в практической и опытной деятельности субъектов) — анализ — толкование — исследование и толкование нормы и доктрины (догматический метод) — критика¹². При этом такая схема исследования должна применяться при рассмотрении вопроса об историческом развитии института ответственности без вины в гражданском праве.

В силу вышеизложенного необходимо согласиться с Б.М. Кедровым, утверждавшим, что «нельзя исследовать и учитывать живое, движущее противоречие, если мы заранее ограничим себя в изучении вещей и понятий в их полном покое, в их не подвижности и неизменности»¹³.

По поводу зависимости исследования от фактов, от практической деятельности, от опыта Ф. Энгельс писал о необходимости в любой научной области исходить из фактов, невозможности конструирования связей и внесения их в факты, о необходимости извлечения связей их из фактов и доказывания, насколько это возможно, опытным путем¹⁴. Касательно правовой материи такие

факты составляют общественные отношения, лежащие в основании правовых норм, сам нормативный материал, закрепленный в источниках права, судебная практика, выраженная в судебных постановлениях, обзорах судебной практики судов общей юрисдикции, арбитражных судов и ВС РФ. Право как социокультурное явление невозможно рассматривать в отрыве от общественных отношений, лежащих в его основе и конструирующих систему права, а также ценностных категорий, составляющих значительную часть системы правовых норм¹⁵. Ценности в контексте ответственности без вины включают в себя принцип справедливости, который, по нашему мнению, является качественным критерием правовой нормы и политико-правового ценностного выбора основания ответственности без вины.

В процессе критики действующего законодательства и существующих взглядов ученых на предмет исследования и связанные с предметом понятия происходит сравнение действующего законодательства и доктрины и существующих общественных отношений, регулируемых исследуемыми правовыми нормами. Кроме того, использование критического метода в отношении теорий и взглядов ученых с точки зрения действующих норм права и существующей правоприменительной практики направлено на поиск истинных знаний относительно предмета исследования.

В связи с этим необходимо согласиться с классиком российской цивилистики Г.Ф. Шершеневичем, отмечавшим, что обновление правоведения, восстановление им своей высокой, значимой роли должно происходить не в догматике, не путем замены догматики социологическими исследованиями, не с помощью разных способов толкования, а «именно в критике существующего,

¹² Здесь необходимо вспомнить известное положение диалектического материализма: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике». Цит. по: Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969. С. 152–153.

¹³ Цит. по: Кедров Б.М. Диалектика и логика. Законы мышления. М.: Издательство академии наук СССР, 1973. С. 122.

¹⁴ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1941. С. 26.

¹⁵ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: моногр. Т. 1. М.: Юстицинформ, 2000. С. 221.

в политике долженствующего»¹⁶. К примеру, современный исследователь А.А. Малиновский критико-правовой метод, т.е. исследование юридических доктрин с точки зрения их научности и истинности, выявление пробелов и противоречий в действующем законодательстве, а также ошибок и неточностей в правоприменительной практике, относит к необходимой и неотъемлемой части теоретической и практической юриспруденции¹⁷.

Такой подход позволяет выявить существенные признаки предмета исследования, необходимые и случайные связи, существующие противоречия в исследуемых правовых нормах и общественных отношениях, пути дальнейшего развития института юридической ответственности в гражданском праве, необходимость совершенствования законодательных норм об ответственности без вины.

Так, для целей настоящего исследования автор исходит из того, что развитие института юридической ответственности в гражданском праве идет в русле основного закона диалектики: единства и борьбы противоположностей. В роли таких противоположностей выступают нормы ответственности при наличии вины и ответственности без вины. Если в основе первых лежат принципы ретрибутивной справедливости, вины, генерального деликта, то в основе ответственности без вины — принцип уравнивающей справедливости, политико-правовые основания, принцип причинения.

Необходимость выделения политико-правовых оснований для обоснования ответственности без вины объясняется следующим. На наш взгляд, в системе гражданско-правовой ответственности без вины указанное понятие является одной

из основных категорий, иначе ответственность без вины просто-напросто выливается в произвол: одна лишь уравнивающая справедливость не может быть положена в обоснование этой разновидности ответственности: категория «политико-правовые основания» встречается также у М.А. Егоровой в монографии «Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве». Рассматриваемую категорию автор использует в том числе и в отношении ответственности без вины¹⁸. Но у М.А. Егоровой данная категория не развита полностью, так как предмет исследования другой — более обширный и направленный на сравнительный анализ различных деликтных систем. Однако мы поддерживаем введение для исследуемого в данной работе предмета указанной категории, которая позволяет понимать ответственность без вины и в целом юридическую ответственность в гражданском праве в ее системном единстве. В своей монографии М.А. Егорова указывает на концепцию вины при обосновании строгой ответственности в частном праве. Данная концепция вины, по мнению ее авторов, выражается в неопровержимой презумпции вины при привлечении к безвиновной ответственности¹⁹. С данной позицией сложно согласиться ввиду следующего.

Как думается, концепция презумпции вины у указанных авторов направлена на обоснование правовой природы безвиновной ответственности как юридической ответственности. Однако для такого обоснования ввиду наличия волевого характера исследуемого вида ответственности нет необходимости. Волевой характер выражается в свободном выборе ответственным лицом

¹⁶ Цит. по: Шершеневич Г.Ф. *Философия права* Т. 1. Часть теоретическая. *Общая теория права*. Выпуск четвертый. М.: Изд. «Бр. Башмаковы», 1912. С. 805.

¹⁷ См.: Малиновский А.А. Критико-правовой метод в юриспруденции // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 2 (7). С. 56.

¹⁸ Егорова М.А. *Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве*. М.: Юстицинформ, 2016. 376 с.

¹⁹ См., напр.: Азми Д.М. Концепция безвиновной ответственности: содержание, трактовка, оценка // *Законодательство и экономика*. 2011. № 7. С. 33–44; Хужин А.М. Проблема юридической ответственности за невиновное поведение: пути решения // *Российский судья*. 2012. № 10. С. 14–17.

деятельности, занятие которой и влечет вменение ответственности без вины.

Презумпция вины уже используется при привлечении к ответственности при наличии вины, т.е. к основной разновидности юридической ответственности в гражданском праве (ст. 401 ГК РФ). Разделение презумпции вины на два вида — опровержимую для одного вида ответственности и неопровержимую для другого — сомнительно и повлечет только путаницу в процессе правоприменения соответствующих законодательных норм.

Таким образом, для того чтобы доказать отнесенность ответственности без вины к институту юридической ответственности в гражданском праве, нет необходимости в искусственном введении неопровержимой презумпции вины для исследуемой категории.

Необходимо также согласиться с Б.М. Кедровым, отмечавшим, что «диалектическая логика видит реальное основание любых явлений и высказываний о них во всеобщей закономерной связи явлений, взятой в целом со всех сторон, во всех ее отношениях»²⁰. Касательно ответственности без вины

²⁰ Цит. по: Кедров Б.М. Указ. соч. С. 203.

это замечание означает необходимость исследования данной темы с позиций соотношения двух форм юридической ответственности в гражданском праве, выявления как внешней системы изучаемого явления (его соотношения с ответственностью при наличии вины), так и внутренней системы, выражающейся в системе норм и регулируемых ими общественных отношений, связанных с вменением ответственности без вины в гражданском праве.

С другой стороны, исследование ответственности без вины как разновидности юридической ответственности позволяет рассматривать указанный институт как единое образование, подчиненное внутренней системе, и выделение категории политико-правовых оснований позволяет не только обосновать ответственность без вины в каждом конкретном случае (т.е. то, что исследуемая разновидность юридической ответственности не имеет произвольного характера), но и показать то, что сближает нормы об ответственности без вины между собой, т.е. системный характер исследуемого института («внешняя» система).

Литература

1. Азми Д.М. Концепция безвиновной ответственности: содержание, трактовка, оценка / Д.М. Азми // Законодательство и экономика. 2011. № 7. С. 33–44.
2. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. В 6 томах. Т. 1. Введение и общая часть / К.Н. Анненков. 3-е изд., пересм. и доп. Санкт-Петербург : типография М.М. Стасюлевича, 1910. 703 с.
3. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных правоотношений / Д.Н. Кархалев. Москва : Инфотропик Медиа, 2022. 892 с.
4. Кедров Б.М. Диалектика и логика. Законы мышления / Б.М. Кедров. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1973. 337 с.
5. Крылов В.Г. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учебное пособие / В.Г. Крылов, А.К. Романов ; ответственный редактор М.А. Егорова. Москва : Юстицинформ, 2016. 376 с.
6. Кузнецова О.А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности / О.А. Кузнецова // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 5 (126). С. 11–23.

7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. Т. 29. Философские тетради / В.И. Ленин. 5-е изд. ; том подготовлен к печати Н.П. Коликовым ; редактор Г.Д. Обичкин. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1969. 782 с.
8. Ли Ч. Уникальность принципа вины в российском деликтном праве / Ч. Ли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 4. С. 32–41.
9. Малиновский А.А. Критико-правовой метод в юриспруденции / А.А. Малиновский // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 2 (7). С. 54–61.
10. Попондопуло В.Ф. Основные аспекты методологии цивилистических исследований / В.Ф. Попондопуло // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1 (21). С. 11–16.
11. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : монография. В 2 томах. Т. 1. Элементный состав / В.М. Сырых. Москва : Юстицинформ, 2000. 527 с.
12. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.А. Хохлов. Саратов, 1998. 41 с.
13. Хужин А.М. Проблема юридической ответственности за невиновное поведение: пути решения / А.М. Хужин // Российский судья. 2012. № 10. С. 14–17.
14. Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования в праве / И.Л. Честнов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Университета прокуратуры РФ, 2018. 124 с.
15. Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения / Г.Ф. Шершеневич. Казань : типолитография Императорского университета, 1898. 46 с.
16. Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т. 1 : в 4 выпусках. Вып. 4. Общая теория права. Часть теоретическая / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Издательство «Братья Башмаковы», 1912. 805 с.
17. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. Москва : Госполитиздат, 1941. 352 с.

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ

в условиях стратегии запланированного устаревания товаров

САПОЖНИКОВ РОМАН GERMANOVICH,

младший юрист юридической фирмы ChervetsPartners,
магистр права
sapozhnikowr113@yandex.ru

Понятие запланированного устаревания

Впервые понятие запланированного устаревания (planned obsolescence) упомянуто в небольшой брошюре под названием Ending the Depression through Planned Obsolescence, написанной американским инвестором Бернардом Лондоном. Время ее написания пришлось на период Великой депрессии, одной из причин которых автор называет нарушение закона устаревания¹. Он пишет, что если в прежний период процветания американцы не ждали, пока из каждого товара будет извлечен последний возможный остаток, то сегодня (в период Великой депрессии) используют свои старые вещи гораздо дольше, чем предполагали статистики, основываясь на предыдущем опыте². Это обстоятельство

ведет к падению уровня потребления, перенасыщению рынка.

Парадоксально, что в тот период долговечность товаров являлась глобальной проблемой, приведшей в том числе к экономическому кризису, а на сегодняшний день этот феномен сменил свой полюс — долговечность товаров массового потребления с каждым разом снижается все сильнее, что становится причиной проблем иного порядка, прежде всего — экологических. Это создает все большую потребность во внедрении механизмов экономики замкнутого цикла, которые с помощью переработки товаров позволяют предоставить им новую жизнь (хотя, возможно, и в другой форме), несмотря на их израсходование³.

В этой связи появляются не только экологические проблемы, но и проблемы нару-

¹ London B. Ending the Depression Through Planned Obsolescence. New York : [self-published], 1932.

² Ibid.

³ Supriadi I.S.I. Financial strategies to mitigate planned obsolescence risk and its impact on technology product sustainability // International Management Conference and Progressive Papers. 2024. Vol. 2. Iss. 1. P. 149–165.

шения прав потребителей. Однако для выделения юридически значимых аспектов запланированного устаревания необходимо провести разницу в том, что понимается под запланированным устареванием.

Запланированное устаревание можно определить, во-первых, как маркетинговую стратегию производителей, целью которой является сокращение периода эксплуатации товара для стимулирования потребителей частоты приобретения нового товара. Во-вторых, этим явлением можно обозначить само свойство товара, которое предопределяет его ускоренный износ. Различия указанных значений сводится к тому, что маркетинговая стратегия является планом действий производителя, направленным на увеличения продаж (внешний аспект), а свойство товара — это параметр самого изделия, вызывающий его преждевременный износ (внутренний аспект). Некоторые исследователи выделяют определенные виды запланированного устаревания. Например, техническое (выпуск обновленных моделей товаров с более продвинутыми характеристиками), стилистическое (обновление внешнего вида продукта с целью стимулирования потребителей к покупке новых моделей) и функциональное (сознательное сокращение срока службы товаров) запланированное устаревание⁴.

Не каждый вышеуказанный вид подлежит правовому регулированию. Так, стилистическое запланированное устаревание зависит от эстетических предпочтений покупателя и носит субъективный характер. Кроме того, трудно усмотреть, какие именно права потребителя могут быть нарушены в ситуации, когда изделие просто утратило актуальность с точки зрения моды. То же самое касается и технического вида запланированного устаревания, поскольку

он по своей сути близок к стилистическому виду, только в этом случае производители обновляют не внешний вид товара, а его внутренние характеристики, которые по своему функционалу превосходят старые модели. Единственный правовой аспект, который здесь может быть затронут, возникает в случаях, когда вследствие обновления операционной системы технически сложного товара (например, смартфона) он становится практически непригодным к использованию.

Но даже в этой ситуации мы имеем дело с функциональным запланированным устареванием, поскольку указанные действия производителя сознательно направлены на невозможность использования старых моделей товаров, а не на простое обновление характеристик, вследствие которых потребитель предпочтет заменить старую модель товара на новую, потому что ему это кажется современнее, удобнее и т.д.

Именно функциональное запланированное устаревание подлежит правовому регулированию с точки зрения законодательства о защите прав потребителей.

Юридически значимые аспекты запланированного устаревания

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) ориентирует изготовителя устанавливать срок службы на товар длительного пользования, в том числе его комплектующих изделий (деталей, агрегатов)⁵. Следовательно, производитель должен сам устанавливать тот или иной срок службы на свои товары.

Однако в этом состоит проблема правового регулирования запланированного устаревания: производитель сам устанавливает срок службы на товары, которые он производит, отталкиваясь от собственной маркетинговой стратегии сбыта и изготовления

⁴ Лукинянов М.Ю., Бондаренко А.В., Уланов А.А. Запланированное устаревание — причины, последствия и меры юридического и экономического противодействия // Дискуссия. 2024. Вып. 125. С. 42–48.

⁵ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

товаров. Указанное обстоятельство может являться почвой для злоупотребления производителями в установлении заниженного срока эксплуатации товара и, как следствие, срока его службы в соответствии с законодательством о защите прав потребителей. Производитель может использовать собственную технологию так, что возможность эксплуатации товара сокращается, несмотря на то что объективно он мог эксплуатироваться в несколько раз дольше. Но вследствие применения указанной технологии товар изнашивается в несколько раз быстрее, и потребитель через короткий промежуток времени вынужден приобретать новый идентичный товар.

Указанная проблема является актуальной не только в России, но и за рубежом. Так, одним из первых европейских рекомендательных актов о регулировании запланированного устаревания стала Резолюция Европейского парламента от 4 июля 2017 г. № 2016/2272⁶ (далее — Резолюция).

Пункт F Резолюции гласит о необходимости способствовать продлению сроков службы товаров, в том числе путем противодействия запланированному устареванию⁷. В соответствии с пунктом T Резолюции товары с умышленно внесенными недостатками, запрограммированными на поломку после определенного числа циклов использования, подрывают доверие потребителей и не должны допускаться к обращению на рынке⁸.

Статьей 1 Резолюции установлен призыв Европейского парламента к Европейской комиссии поощрять установление **критериев минимальной износостойкости**, охватывающих надежность, ремонтпригодность и возможность модернизации для каждой

категории продукции начиная со стадии проектирования, чему способствуют стандарты, разработанные всеми тремя европейскими организациями по стандартизации⁹.

Именно надежность и ремонтпригодность выступают ключевыми ориентирами, к которым должны стремиться производители товаров. Критерий надежности можно определить как свойство товара, обеспечивающее его способность сохранять полезные потребительские функции в течение максимально продолжительного времени. Принципиально, чтобы критерий надежности и срока службы устанавливались автономно друг от друга. Изготовитель не должен подгонять критерий надежности к устанавливаемому им сроку службы. В противном случае возникнет ситуация, когда, например, срок службы товара установлен сроком в один год и, по мнению изготовителя, этот срок будет соответствовать критерию надежности, в то время как он использовал технологию запланированного устаревания и сознательно эту надежность снизил. Смысл критерия надежности заключается в его независимости от прерогатив изготовителя. Критерий надежности к каждому товару должен подчиняться стандартам, устанавливаемым независимыми от конкретных изготовителей организациями.

Помимо критерия надежности, альтернативным вариантом решения проблемы может служить введение понятия объективного срока службы наряду с понятием срока службы, которое предусмотрено Законом о защите прав потребителей, либо замена последнего термина «вменным сроком службы», что подчеркивало бы установление изготовителем этого срока вне зависимости от объективного срока использования товара.

Не менее значимой категорией, закрепленной Резолюцией, выступает ремонтпригодность товара. Именно она во многом определяет возможность реализации про-

⁶ European Parliament resolution of 4 July 2017 on a longer lifetime for products: benefits for consumers and companies (2016/2272(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0287_EN.html (дата обращения: 11.07.2026).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

изводителями стратегии запланированного устаревания: если изделие не подлежит ремонту, его починка становится объективно невозможной, и единственным выходом для потребителя остается приобретение новой вещи. Одним из показателей ремонтпригодности служит, в частности, доступ к внутренним компонентам товара. Показателен пример сотовых телефонов: раньше потребитель мог беспрепятственно заменить аккумулятор самостоятельно, тогда как сейчас большинство смартфонов такой опции не предусматривают — доступ к внутренним деталям возможно получить, только прибегая к помощи соответствующих специалистов. Статья 9 Резолюции реагирует на эту ситуацию, требуя от производителей создания аккумуляторных технологий, обеспечивающих экономически приемлемую замену батареи относительно цены товара. Включение в Резолюцию требований относительно цен ремонта вполне обоснованно: нередко даже при формальной ремонтпригодности изделия стоимость восстановления оказывается столь высокой, что для потребителя экономически целесообразнее приобрести новый товар, чем оплачивать починку старого.

Таким образом, мы видим, что в зарубежном законодательстве предпринимаются попытки перенесения в правовое поле такой маркетинговой стратегии, как запланированное устаревание, через установление критериев надежности и ремонтпригодности.

Право потребителей на информацию о применении технологии запланированного устаревания

Стратегия запланированного устаревания, существенно влияет на выбор потребителем того или иного товара в связи с отсутствием полной информации о нем. Обнаружить самостоятельно факт применения указанной технологии практически невозможно, поскольку маркировка товара указанной информации не содержит, а техниче-

ской возможности проверить состав и качество скрытых деталей товара ни на витрине, ни тем более при онлайн-заказе нет.

Тот факт, что производитель не указывает сведения о применении к определенному товару технологии запланированного устаревания, нарушает право потребителя на предоставление полной и достоверной информации о товаре. Фактически потребитель не осведомлен о том, сколько по времени он сможет использовать приобретенный товар при нормальных условиях его эксплуатации. На сегодняшний день единственный способ, с помощью которого можно ознакомиться с такого рода информацией, — это получить сведения о сроке службы конкретного товара, однако, как показано выше, сведения о сроке службы имеют только косвенное значение и являются гибким критерием, которым легко ввести неподготовленного потребителя в заблуждение.

Не менее важным для решения вопроса защиты прав потребителей на предоставление полной и достоверной информации являются положения ст. 27 Резолюции, в соответствии с которой Европарламент призывает Еврокомиссию к созданию условий, при которых покупатели будут получать более полные сведения о долговечности товара, в том числе путем введения добровольной европейской маркировки, которая бы отражала долговечность продукта, особенности экодизайна, возможность модернизации в соответствии с техническим прогрессом и ремонтпригодностью¹⁰.

Во Франции действует Закон «О потреблении»¹¹, который также закрепил за продавцом обязанность предоставлять потребителю исчерпывающую и достоверную информацию о товаре, в том числе сведения о его качестве, составе, сроке службы, способе изготовления. Указанная информация должна быть понятной, достоверной и достаточной по объему. Одной из ключевых

¹⁰ Там же.

¹¹ LOI n 2014-344 du 17 mars 2014 relative à la consommation. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000028738036> (дата обращения: 11.07.2026).

обязанностей является информирование потребителя о возможности приобретения запасных частей, необходимых для ремонта.

Важность информирования потребителя в том, что если производитель должным образом будет предоставлять для потребителя сведения об использовании им данной технологии, то потребитель сможет сделать осознанный выбор между товаром, в производстве которого применялась технология запланированного устаревания, и товаром, свободного от такого типа воздействия. Таким образом, можно предположить, что при полной осведомленности потребителя об использовании указанной технологии потребитель сможет сделать выбор: приобрести ли ему товар, в отношении которого была применена указанная технология, или товар, не подверженный указанной технологии.

При такой модели реализации стоимость товаров, подвергнутых запланированному устареванию, окажется ниже по сравнению с продукцией, свободной от данной технологии. Благодаря этому потребитель может реализовать свое право на выбор, руководствуясь собственными потребностями: купить менее дорогостоящий товар, осознавая, что он выйдет из строя через несколько месяцев или лет, либо остановиться на значительно более дорогом изделии, гарантирующем при надлежащей эксплуатации соразмерно длительный срок службы.

В действительности ситуация складывается иным образом: цена товаров с признаками запланированного устаревания — особенно тех, которые позиционируются производителями как продукция премиум-класса, — остается неоправданно высокой, несмотря на их объективно короткий срок службы. Производители стремятся представить подобное положение дел в качестве рыночной нормы, и эта попытка оказывается весьма результативной, поскольку найти сегодня достойную альтернативу таким товарам — большая редкость.

Вариантом решения проблемы информирования потребителя об использовании в от-

ношении конкретного товара указанной технологии могла бы стать модель, аналогичная маркировке сигарет и прочих табачных изделий, предупреждающей потенциального покупателя о вреде курения. Применительно к рассматриваемой проблеме такая маркировка информировала бы потребителя о том, что товар произведен с использованием технологии запланированного устаревания. Представляется, что подобная мера способствовала бы более информированному, компетентному потребителю выбору.

Юридическая ответственность за использование технологии запланированного устаревания

Использование указанной технологии происходит настолько повсеместно, что на настоящий момент трудно представить современную экономику без ее использования. Данная стратегия способствует технологическому прогрессу: без нее продажи технически сложных товаров могли бы значительно сократиться, поскольку производителям, к сожалению, экономически нецелесообразно выпускать продукцию с длительным сроком службы. Как отмечает А.Е. Шерстобитов, «создание “вечной” техники невыгодно для любого изготовителя, это повысило бы расходы на разработку, тестирование, материалы и производство»¹². Нельзя не согласиться и с мнением Л.И. Фархутдинова: «...долговечность предметов встает в прямое противоречие с условием существования капиталистического общества — накоплением капитала»¹³.

Таким образом, на сегодняшний день запланированное устаревание выступает неотъемлемым элементом капиталистической системы: без непрерывного цикла производства и реализации товаров производи-

¹² Шерстобитов А.И. Российское законодательство и запланированное устаревание технически сложных устройств. Текущая ситуация и предложения // Закон и право. 2018. № 5. С. 86–88.

¹³ Фархутдинов Л.И. Криминализация практики запланированного устаревания: марксистский анализ и прогноз // Вопросы политической экономии. 2024. № 2 (38). С. 175–183.

тели лишились бы возможности наращивать масштабы хозяйственной деятельности. В связи с чем привлечение к юридической ответственности за использование технологии запланированного устаревания было бы весьма поспешным. Но в случае, когда вследствие применения указанной технологии товар приобретает существенный недостаток, потребитель имеет полное право требовать с продавца, уполномоченной организации или изготовителя осуществления действий, предусмотренных п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей. Судебная практика российских судов может продемонстрировать соответствующие примеры.

По обстоятельствам дела¹⁴ потребитель приобрел ряд гаджетов в фирменном магазине Adidas. Но через несколько лет потребителем было обнаружено, что производитель прекратил поддержку программного обеспечения в связи с использованием нового. Как следствие — те функции, ради которых потребитель приобретал указанные товары, перестали выполнять свою роль. Довод производителя состоял в том, что факт отсутствия программного обеспечения не является существенным недостатком товара. Суд первой инстанции встал на сторону производителя, указав, что потребителем не были представлены доказательства нарушения прав потребителя, апелляционная и кассационная инстанция поддержали выводы суда первой инстанции. Однако

¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 46-КГ20-19-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

Верховный Суд пришел к выводу, что качественным необходимо признать товар, который «на протяжении всего срока службы может использоваться в соответствии с конкретными целями, для которых он приобретался». По мнению Суда, это касается также и гарантии работоспособности программного обеспечения, а вследствие неустранимости недостатка товара должны применяться последствия, указанные п. 6 ст. 19 Закона о защите прав потребителей. Впоследствии с производителя была взысканы денежные средства в счет возмещения стоимости некачественного товара. Таким образом, Верховный Суд признал, что прекращение действия программного обеспечения является существенным недостатком товара.

Вывод

Запланированное устаревание является технологией производителей, которая повсеместно используется для производства товаров. На сегодняшний день представить экономику без ее использования весьма затруднительно, в связи с чем привлечение производителей к ответственности за ее использование не имеет смысла. Но при покупке товара потребитель имеет право достоверно знать, насколько долго он сможет извлекать из него свои полезные свойства. Обеспечение потребителей полной и достоверной информацией об использовании в отношении конкретных товаров — ключевая обязанность производителей при применении указанной технологии.

Литература

1. Лукиянов М.Ю. Запланированное устаревание — причины, последствия и меры юридического и экономического противодействия / М.Ю. Лукиянов, А.В. Бондаренко, А.А. Уланов // Дискуссия. 2024. № 125. С. 42–48.
2. Фархутдинов Л.И. Криминализация практики запланированного устаревания: марксистский анализ и прогноз / Л.И. Фархутдинов // Вопросы политической экономии. 2024. № 2 (38). С. 175–183.

3. Шерстобитов А.И. Российское законодательство и запланированное устаревание технически сложных устройств. Текущая ситуация и предложения / А.И. Шерстобитов // Закон и право. 2018. № 5. С. 86–88.

References

1. London, B. Ending the Depression Through Planned Obsolescence / B. London. New York, 1932. 19 p.
2. Supriadi, I.S.I. Financial strategies to mitigate planned obsolescence risk and its impact on technology product sustainability / I.S.I. Supriadi // International Management Conference and Progressive Papers. 2024. Vol. 2. Iss. 1. P. 149–165.